

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., за 1 мѣсяць 40 коп., съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЖЖ по 10 копѣекъ.

№ 52.

28 ДЕКАБРЯ
1880 ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Донская улица, домъ Рязаноложенской церкви, квартира протоіерея Виктора Петровича Родественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто строки за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Соціализмъ и христіанство. Слово въ день храмоваго праздника. Московская хроника. Периодическая печать. Газета Русь и пріемъ, оказанный ей въ печати. Журнальное обозрѣніе. Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ.

СОЦІАЛИЗМЪ И ХРИСТІАНСТВО.

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Русская Мысль» помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Соціальныя задачи христіанскаго общества», по своему содержанію имѣющая живой интересъ въ настоящее время. Она изслѣдуетъ вопросъ о соціализмѣ, этой заразѣ современнаго общества, стремящемся путемъ насильственныхъ переворотовъ передѣлать весь строй государственной и общественной жизни, сообразно съ своими идеалами. Статья предшествуетъ нѣсколькимъ замѣчаніямъ отъ редакціи о русскомъ современномъ юношествѣ, изъ котораго въ послѣднее время не мало выдѣлилось несчастныхъ жертвъ соціализма, до фанатизма увлеченныхъ его теоріями, — замѣчаній, также не лишенныхъ своего значенія. Страшная трагедія, по словамъ редакціи, разыгрывается на нашихъ глазахъ. Гибнетъ наше молодое поколѣніе, гибнутъ живыя силы, на которыхъ по необходимости должны бы были сосредоточиться наши надежды на лучшее будущее... Какъ же помочь горю? Прежде всего на юношу не нужно смотрѣть какъ на пассивный, механически дѣйствующій автоматъ, и нельзя относиться къ молодому поколѣнію, какъ, напр. относился, по словамъ редакціи, къ нему одинъ изъ класса образованныхъ людей, принадлежащій даже къ пишущей братіи: «Что это все толкуютъ: молодежь! — говоритъ онъ. Невыносимо, право слушать, какое намъ дѣло до того, что она дѣлаетъ и чего она хочетъ? Молодежь должна стоять руки по швамъ, не разсуждать, повиноваться и только съ благоговѣніемъ глотать все то, что ей въ ротъ положить». По справедливому замѣчанію редакціи плодомъ такого педагогическаго пріема можетъ получиться такое стадо, которое во сто кратъ вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ всевозможныя увлеченія юношества; изъ такого стада выходятъ только или скрытые плуты, развѣдающіе народную жизнь, или ничтожества, бременящіе ее. Напротивъ нужно закрѣпить за извѣстнымъ содержаніемъ все силы молодой души, не насилуя ихъ, не иссушая въ ней источникъ ея самостоятельной жизни. Для этого прежде всего нужно вселить въ юношество довѣріе къ себѣ, чтобы оно несомнѣнно было убѣждено, что вы говорите ему истину.

Нужно отвѣчать на все его запросы добросовѣстно, — иначе, не найдя у васъ желаннаго отвѣта, оно обратится къ источникамъ сомнительнаго свойства... Все наши политическія преступники, судившіеся за послѣднее время, открыто объявляли себя апостолами соціализма. А между тѣмъ у насъ еще ничего не сдѣлано для того, чтобы раскрыть заблужденія этого ученія и разсѣять ослѣпленія юношества. Ему не разъяснено, какъ слѣдуетъ, что самые серьезные представители соціализма, его вожди отвергаютъ насильственные пути дѣйствій, убѣждаютъ и доказываютъ, что идеальное построение жизни человѣчества на соціалистическихъ основахъ неосуществимо въ настоящее и даже ближайшее къ намъ время. Желая поспособствовать разъясненію ученія западныхъ соціалистовъ, редакція и помѣщаетъ въ сентябрьской книжкѣ своего журнала озаглавленную выше статью, представляющую собою резюме ученаго труда извѣстнаго защитника христіанства и противника соціаль-демократовъ-материалистовъ, Тодта.

Соціализмъ поставляетъ своею задачею размысканіе причинъ тѣхъ бѣдствій которыя постигаютъ большинство современнаго люда и приходитъ къ тому заключенію, что корень зла въ неправильномъ, неестественномъ и противорѣчащемъ справедливости строѣ хозяйственной жизни, и потому признаетъ необходимость полнаго измѣненія тѣхъ условій, при которыхъ совершаются отправления хозяйственной жизни народовъ, — полнаго преобразованія этой жизни на новыхъ, найденныхъ имъ, основаніяхъ. Но хотя такимъ образомъ соціализмъ, по существу своему, имѣетъ по преимуществу экономическій характеръ, — онъ однакожъ не могъ не затронуть семейныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ началъ общественной жизни и потому въ то же время онъ представляетъ собою ученіе политическое и религіозное. Къ христіанству соціализмъ относится отрицательно, такъ какъ оно требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ равнодушно относился къ бѣдствіямъ земной жизни, между тѣмъ какъ соціализмъ стремится къ достиженію блаженства на землѣ. Соглашаясь съ возрѣніемъ соціализма, что общественная жизнь народовъ въ настоящее время построена на ложныхъ началахъ, которыя

неизбѣжно приведутъ ее къ полному разрушенію, германскій ученый Рудольфъ Тодтъ не думаетъ однако спасенія отъ этого разрушенія искать въ ученіи социализма: спасеніе можно найти только въ Евангеліи, имѣющемъ высокое социальное значеніе. По справедливому утверженію Тодта, такое значеніе новозавѣтному ученію даетъ его основное положеніе о любви къ Богу и ближнему: это положеніе должно служить основаніемъ не только для личной и общественной нравственности, но также и для организациі хозяйственной и социальной жизни христіанскихъ народовъ. Если же въ настоящее время молодое поколѣніе увлекается разнаго рода модными социалистическими теоріями, то причина этого заключается въ томъ, что до настоящаго времени еще невыяснено евангельское ученіе съ социальной его стороны. И Тодтъ справедливо признаетъ одно христіанство способнымъ указать правильное рѣшеніе поставленныхъ нашему вѣку социальныхъ задачъ: ни еврейская, ни магометанская религіи не способны этого сдѣлать, хотя они и могутъ быть противопоставлены христіанству. Первая не способна этого сдѣлать потому, что Талмудъ слишкомъ узко толкуетъ слово «ближній», жестко относится и къ послѣдователямъ еврейства, и къ послѣдователямъ другихъ религіи; пренебрегаетъ всякимъ производительнымъ трудомъ, одобряя растовщичество. Еврейство также не способно возвыситься до понятія объ истинномъ братствѣ, которое не очень ладитъ съ его ученіемъ о себѣ, какъ народѣ избранномъ, долженствующемъ стоять особнякомъ, выше всѣхъ другихъ народовъ, призванномъ для господства надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. — Магометанство является неспособнымъ къ рѣшенію социальныхъ вопросовъ, какъ религія плоти, признающая единственнымъ назначеніемъ женщины — удовлетвореніе похоти мужчины, освящающая рабство, лишаящая цѣлую массу подданныхъ христіанъ великихъ человѣческихъ правъ, кладущая печать неизмѣнности на весь свыше предопредѣленный строй человѣческой жизни и провозглашающая вражду съ невѣрными высшею добродѣтелью, за которую ожидаютъ ея послѣдователей высшія загробныя награды. Такимъ образомъ остаются только два ученія, способныя разрѣшить вопросы социальной жизни: социализмъ и христіанство, и Тодтъ поэтому ставитъ себѣ задачей, по тщательномъ изученіи того и другаго, сопоставить ихъ между собою и доказать, что социализмъ бесплеенъ въ достиженіи принятой имъ на себя задачи.

Исходною точкою социализма должны быть признаны идеи свободы, равенства и братства: въ свободѣ и равенствѣ социализмъ видитъ цѣль человѣчества, въ братствѣ — средство достиженія этой цѣли. *Равенство* необходимо вытекаетъ изъ того факта, что всѣ люди, по ученію социализма, одинаковы: у нихъ одинаковый организмъ, одинаковая, по существу, внѣшность, одинаковый человѣческій обликъ, одинаковый отличительный признакъ отъ всѣхъ другихъ животныхъ — разумъ; лишь борьба за существованіе, при несправедливыхъ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ, сдѣлала людей не равными. Изъ равенства вытекаетъ общая *свобода*, такъ какъ при равенствѣ людей, между ними невозможно рабство и преобладаніе однихъ надъ другими. Распространенію началъ свободы и равенства препятствуетъ господство въ современномъ обществѣ себялюбія, которое такимъ образомъ и является основой всѣхъ страданій нашего времени. Въ противоположность господству себялюбія социализмъ провозглашаетъ начало любви къ ближнему, начало *братства*,

основывая его на общности интересовъ всѣхъ людей.

Коренная перемяна, предлагаемая социализмомъ, въ отношеніяхъ человѣка къ неодушевленной природѣ заключается въ томъ, что прежде всего земля должна перейти въ общую собственность, а вмѣстѣ съ нею долженъ совершиться переходъ въ общую же собственность и всѣхъ орудій и другихъ средствъ производства, — что въ свою очередь ведетъ къ образованію товарищеской организациі производства. Государство должно положить начало образованію промышленныхъ товариществъ, общинъ, которыя постепенно уничтожаютъ частную промышленность и личные промышленныя предпріятія; это необходимо для уничтоженія той распри между трудомъ и капиталомъ, которая является одной изъ причинъ бѣдствій нашего общества, такъ какъ современная промышленность управляется свободной конкуренціей, закономъ спроса и предложенія, — что приводитъ къ эксплуатаціи рабочаго класса, которая и составляетъ коренную причину ихъ нищеты и затѣмъ вообще всѣхъ бѣдствій нашего времени. Въ связи съ этимъ переворотомъ должно совершиться преобразование и вообще всего государственнаго строя. Новое государство будетъ представляться большимъ союзомъ самостоятельныхъ, промышленныхъ общинъ, пользующихся широкими правами внутренняго самоуправленія, основаннаго на одинаковости правъ всѣхъ членовъ общества, на уничтоженіи всякихъ законовъ, имѣющихъ цѣлю стѣсненіе свободы мысли и слова, на непосредственномъ участіи народа въ дѣлахъ правосудія. — Съ водвореніемъ такого общественнаго строя наступитъ то полное блаженство, въ возможности достиженія котораго на землѣ социалисты глубоко убѣждены. Все, что можетъ дать человѣку природа, наука, искусство, — все будетъ въ его власти. Равнымъ образомъ въ новомъ мірѣ будутъ устранены тѣ бѣдствія, тѣ страданія, какія мы видимъ теперь, потому что съ уничтоженіемъ бѣдности — корня всѣхъ золъ — исчезнутъ и болѣзни, и хилость, и ранняя смертность, и физическое вырожденіе вюдей, и эпидеміи, и уродства физическаго строенія; вмѣстѣ съ тѣмъ не останется и слѣда нравственныхъ золъ: преступленія противъ жизни, собственности, безнравственность и проституція и т. под. — все уничтожится.

Но въ этомъ новомъ государствѣ не отведено никакого мѣста религіи. Будучи глубоко убѣждены въ несуществованіи загробной жизни и всего не земнаго, социалисты утверждаютъ, что нѣтъ никакой религіи и не должно быть, что недостойно тотъ имени социалиста кто вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ себя атеистомъ; социалистическій идеалъ можетъ осуществиться чрезъ любовь, но любовь, чуждую всякихъ религіозныхъ ученій.

Такимъ образомъ по общему своему матеріалистическому направленію социализмъ противоположенъ христіанству; но въ другихъ отношеніяхъ находятся нѣкоторые пункты соприкосновенія съ христіанствомъ. Последнее, такъ какъ и социализмъ, смотритъ на земной міръ, какъ на арену скорби и страданія и проповѣдуетъ о необходимости людямъ выйти изъ этого состоянія. Подобно социализму, и христіанство учитъ, что причина этой скорби и страданій есть самолюбіе. Для борьбы со зломъ Евангеліе указываетъ на тѣ же средства, какъ и социализмъ: любовь и братство. Но это согласіе въ основныхъ идеяхъ не должно увлекать насъ; выводъ изъ этихъ идей христіанствомъ сдѣланъ иной, чѣмъ социализмомъ, и самое опредѣленіе ихъ по христіанскому ученію нѣсколько иное. Идея *равенства* основана въ христіанствѣ на ученіи о единствѣ проис-

хожденія всѣхъ людей отъ одной четы, на одинаковой склонности всѣхъ къ грѣху и одинаковой нуждѣ во спасеніи, на одинаковомъ призваніи всѣхъ къ познанію истины и къ участию въ блаженствѣ. Такимъ образомъ понятіе о равенствѣ въ христіанствѣ глубже и возвышеннѣе, чѣмъ въ социализмѣ. Понятіе о свободѣ въ христіанствѣ основывается не на внѣшнемъ равенствѣ всѣхъ между собою, но на богоподобіи человека, и состоитъ она въ полномъ согласіи воли съ сущностію человека. Слѣдовательно, и понятіе о свободѣ въ христіанствѣ имѣетъ болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ въ социализмѣ. Затѣмъ понятіе о братствѣ социализмъ основываетъ на пользѣ и на одинаковости физической природы всѣхъ людей; поэтому подкладкой социалистическаго братства является то же самолюбіе, къ борьбѣ съ которымъ оно призывается. Христіанство же понятіе о братствѣ возводитъ къ высшему источнику — къ Божественной любви, считая [всѣхъ людей дѣтьми одного Отца и братьями между собою. Оно не ограничивается признаніемъ братства ради собственной пользы каждаго человека; напротивъ оно требуетъ полного самоотреченія, самопожертвованія каждаго для его братьевъ.

Для опредѣленія экономическихъ идеаловъ христіанства должно обратиться къ примѣру тѣхъ общинъ, какія образовались подъ вліяніемъ чисто христіанскихъ началъ. Извѣстно, что въ первую эпоху христіанства вѣрующіе, входившіе въ составъ общинъ, смотрѣли на свое имущество, какъ на общее достояніе всѣхъ членовъ общины, такъ что, продавая свое имущество, цѣну его раздѣляли между братьями, согласно потребностямъ каждаго. Но толковать это такъ, что христіанство требуетъ совершеннаго уничтоженія собственности — несправедливо. Новый заветъ прежде всего уважаетъ свободу человека, ставя ей одинъ предѣлъ — въ требованіяхъ братской любви; въ виду этой свободы Евангеліе признаетъ возможной всякую форму права собственности.

Болѣе опредѣленное отношеніе имѣетъ христіанство къ вопросу объ ассоціаціяхъ. Ни общность имущества, ни общность производства со своими выводами не стоятъ въ противорѣчій съ Евангеліемъ. Еще сочувственнѣе христіанство отнесется къ стремленію социализма сокрушить законъ спроса и предложенія въ приложеніи его къ человѣческому труду, какъ товару. Но при всемъ томъ однакоже нельзя христіанству приписать отверженіе всѣхъ единоличныхъ промышленныхъ предпріятій: могутъ существовать и такія предпріятія и они не будутъ служить оправданіемъ взгляда на рабочаго, какъ на товаръ, лишь бы только они были проникнуты духомъ христіанской любви. Относительно политическихъ идеаловъ христіанство не даетъ какихъ либо прямыхъ указаній. Оно только говоритъ, что *нѣтъ власти, аще не отъ Бога*.

Хотя такимъ образомъ идеалъ социализма и принимается въ нѣкоторыхъ чертахъ христіанствомъ, — тѣмъ не менѣе послѣднее не можетъ ожидать отъ осуществленія его всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ждутъ сторонники социальныхъ ученій. Христіанство не ограничиваетъ жизни человека землею; оно указываетъ ему на другую жизнь, гдѣ, по освобожденіи отъ настоящей плоти, онъ найдетъ истинное блаженство. Поэтому улучшеніе матеріальнаго благосостоянія человека еще не доставитъ ему полного блаженства. Христіанство не можетъ согласиться и съ тѣмъ, что причина страданія людей есть бѣдность; по его ученію, причина бѣдствій есть грѣхъ, какъ нравственная порча. Поэтому отъ осуществленія социалистическаго идеала нельзя ожидать полного осво-

божденія отъ всѣхъ бѣдствій. Останется цѣлый рядъ бѣдствій и страданій, происходящихъ отъ дурныхъ страстей человека.

СЛОВО НА ДЕНЬ ХРАМОВАГО ПРАЗДНИКА ПРИ ЦЕРКВИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ВО ИМЯ СВ. ІОАННА ДАМАСКИНА (4 ДЕКАБРЯ).

Въ нынѣшній день, братія святаго храма сего, у насъ совершается нѣчто особое, необычайное: всенощное бдѣніе священнодѣйствуется въ нашемъ храмѣ самимъ архипастыремъ, въ сослуженіи съ нимъ — соборъ пресвитеровъ, въ молитвѣ нашей приемятъ общеніе многіе нарочитые почитатели. Что же за причина такого у насъ торжественнаго нынѣ священнослуженія и молитвеннаго собранія?

Скромная наша обитель образованія будущихъ пастырей для паствы нижегородскія, осылаемая молитвеннымъ покровомъ преподобнаго Іоанна Дамаскина, чтитъ нынѣ, вмѣстѣ съ церковію, память сего своего небеснаго покровителя и учителя: сегодня праздникъ пастырской школы страны и церкви нижегородскія! Кому же, чьему сердцу ближе пастырская школа, какъ не сердцу архипастыря града и страны сего. Въ питомцахъ сей школы, по самому ея назначенію, онъ чаеъ будущихъ споспѣшниковъ во бдѣніи о вѣранныхъ его попеченію душахъ, и, чтобы это чаеніе не оказалось тщетнымъ, о нихъ самихъ болѣзнуеть, подобно какъ апостоль Павелъ болѣзновалъ о любившихъ его и возлюбленныхъ имъ галатахъ (Гал. 4, 19). При такой сердечной близости своей къ пастырской школы въ священный для нея день, архипастырь поспѣшилъ къ труждающимся въ ней, дабы среди ихъ и въ виду ихъ обратиться къ Богу съ самою теплою мольбою, чтобы Онъ поспѣшилъ и довелъ до совершенства тотъ виноградъ, лѣторасли коего, современемъ, сами должны быть дѣлателями въ прочей части винограда Божія (Псал. 7, 15).

Праздникъ пастырской школы подвигъ на общую съ нами молитву и дѣйствующихъ уже на своемъ поприщѣ пастырей и другихъ членовъ освященнаго клира. И понятно; ибо всѣ они образовывались въ этой школѣ сами, въ ней воспитывались ихъ отцы и дѣды, а нынѣ въ ней воспитываются ихъ дѣти. Посему всѣ судьбы пастырской школы суть какъ бы собственныя ихъ судьбы и съ исповѣданіемъ сихъ судебъ гдѣ умѣстише обратиться къ Господу Богу, какъ не въ храмѣ школы въ день праздника небеснаго покровителя ея!

Праздникъ пастырской школы подвигъ на молитву съ нами и многихъ простыхъ обитателей сего святаго града. Благое движеніе. Ибо всякій просвѣщенный сынъ и ревнитель православія, особенно имѣющій на своемъ попеченіи ту или другую часть общественнаго благоустройства, собственными наблюденіями и опытомъ убѣжденъ, что ни истинное просвѣщеніе, ни добрая нравственность, ни прочное благоденствіе общественное, какъ и частное и семейное, не возможны безъ свѣта вѣры Христовой и безъ помощи спасительной благодати, дѣйствующей чрезъ вѣру. Состояніе же вѣры и благоденствія въ данной странѣ весьма много зависитъ отъ качества пастырей сей страны, а качества пастырей развиваются и образуются главнымъ образомъ во время приготовленія ихъ къ своему служенію — въ школѣ. Естественно, посему, въ день праздника пастырской школы просвѣщенному и ревностному сыну православія помолитесь о насаждающихъ и поливающихъ въ сей школѣ, какъ равно и о лѣторасляхъ ея возращающему все Богу и небесному покровителю сего винограда Божія — Іоанну.

И вотъ, всѣ проникнутые святымъ чувствомъ любви къ православной вѣрѣ и церкви христіанской, а ради нихъ движимые сочувствіемъ и къ будущимъ ихъ служителямъ, во благознаменитый день праздника нашего собрались во едино съ нами въ покровительственный намъ святой храмъ на общую молитву.

Созывать священныя собранія въ праздники для принесенія жертвы Господу есть заповѣдь Божія. Правда эта заповѣдь дана еще ветхозавѣтному Израилю и по формѣ и буквѣ своей уже обветшала, но по смыслу и духу, въ ней заключенному, она, какъ заповѣдь Божія, безъ сомнѣнія, не раззорена и въ новозавѣтной благодати. Вотъ эта заповѣдь Божія: въ праздники Господни (а Господъ дивенъ и во святыхъ Своихъ) должно созывать священныя собранія и приносить жертву Господу. Святы да будутъ они вамъ (Лев. XXIII, 1. 2 и дал.).

Итакъ, мы должны освятить свой праздникъ. Освятимъ же оный, во первыхъ, молитвою славословія и благодаренія Господу Богу за всѣ тѣ милости, какія Онъ явилъ нашей пастырской школѣ. Прославимъ и возблагодаримъ Его за то, что Онъ благоволилъ и въ сей странѣ для сохраненія, утвержденія и распространенія истинной вѣры и благочестія быть устроенной школѣ на твердыхъ началахъ; за то, что Онъ сохранялъ ее среди всѣхъ ея затрудненій, лишеній и недостатковъ. Ибо все это явный даръ Его милости.

Во вторыхъ, достойнымъ освященіемъ праздника будетъ съ нашей стороны молитва предъ Господомъ Богомъ за всѣхъ тѣхъ, которые своимъ покровительствомъ, ходатайствомъ, влияніемъ, пожертвованіями, собственнымъ трудомъ обученія, наблюденія и управленія споспѣшествовали прежде и нынѣ споспѣшествуютъ внѣшнему и внутреннему благоустройству школы; ибо молитва есть самое лучшее средство святаго общенія со всѣми — близкими и дальними.

Въ третьихъ, намъ необходимо освятить праздникъ пастырской школы молитвою къ Господу Богу о будущемъ ея прусиѣніи въ служеніи своему назначенію. Ибо хотя рождѣмъ сего винограда Божія въ званіи пастырей многое совершено уже при содѣйствіи благодати Божіей для блага церкви нижегородскія, — тѣмъ не менѣе и впереди еще жатва многа. Тысячи раскольниковъ и столько же, если не больше магметанъ требуютъ еще многихъ и многихъ дѣлателей. Какъ при такой нуждѣ въ дѣлателяхъ не обратиться къ Самому Господу жатвы съ мольбою пламенною, чтобъ Онъ пастырскую школу приумножилъ людьми, способными къ пастырскому служенію, и руководителямъ ея далъ силу и мудрость приготовить изъ лѣтораслей ея такихъ пастырей, которые бы пасли врученное имъ стадо не принужденно, а охотно и богоугодно, подавая въ самихъ себѣ стаду живой примѣръ истиннаго благочестія и добродѣтели (1 Петр. 5, 23).

Не замѣчаете ли питомцы пастырской школы, что вамъ открывается возможность и долгъ освятить праздникъ собственно самимъ отъ себя, именно — обѣтомъ остаться въ томъ званіи, къ которому вы призваны и рожденіемъ и мѣстомъ образованія, а вслѣдствіе сего обѣта — рѣшимостью со всѣмъ усердіемъ готовиться къ пастырскому служенію въ виду мѣстныхъ, настоятельныхъ потребностей церкви, обречь себя зане прежде на всѣ тѣ трудности и лишенія, съ коими соединено пастырское служеніе, низложить всякое возношеніе ума своего на разумъ Божій, укротить бусь сердца своего, подавить своенравіе своей воли, вообще вести себя такъ, чтобы приуготовить изъ себя благопотребные и удобопріемные со-

суды для Божественной благодати, которая оскудѣвающее сама восполняетъ, и безумное, немощное, познатное, уничиженное и ничтожное міра употребляетъ на посрамленіе и упраздненіе мудрыхъ, сильныхъ и знатныхъ (1 Кор. 1, 27, 28).

Нужно ли еще прибавлять, что для увѣнчанія дѣятельности питомцевъ нужна и со стороны насъ руководителей дѣятельность ревностная, тщательная, дружная, не отдѣляющая обученіе отъ воспитанія, что въ дѣлѣ христіанскаго какъ обученія, такъ и воспитанія никто не можетъ и не долженъ полагать основанія иного наче лежащаго, еже есть Иисусъ Христосъ, и что огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть (1 Кор. 3, 11, 13)?

Призри же съ небесе Боже и виждь, и посѣти виноградъ сей, и соверши и, его же насади десница Твоя!

Аполлонъ Можаровскій, учитель Нижегородской духовной семинаріи.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Назначеніе новаго попечителя Московскаго учебнаго округа. Докторскій диспутъ Е. Е. Голубинскаго въ Московской академіи. Болѣе точныя свѣдѣнія о новой Московской думѣ. Постановленіе Московск. губернскаго земскаго собранія о реформѣ церковныхъ приходоу.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ даннымъ Правительствующему Сенату 8 текущаго декабря, прокурору Московской судебнаго палаты, дѣйствительному статскому совѣтнику графу Капнисту — Всемилостивѣйше повелѣно быть попечителемъ Московскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

— 16-го декабря въ актовомъ залѣ Московской духовной академіи происходилъ докторскій диспутъ экстра-ординарнаго профессора Московской духовной академіи Евгенія Евстигигевича Голубинскаго. Диспутъ этотъ привлекъ въ залѣ духовной академіи не бывалое число посѣтителей. Въ довольно просторномъ актовомъ залѣ едва хватило мѣстъ для посторонней публики. Отраднo было видѣть въ числѣ посѣтителей значительный приливъ Московскаго духовенства. Это говоритъ какъ о близости и нравственной связи его съ духовною академіей, такъ и о любви къ серіознымъ изслѣдованіямъ, каковымъ бесспорно является докторская диссертация г. Голубинскаго.

Въ 11-ть часовъ утра диспутъ открылся обычнымъ *singulum vitae*, изъ котораго видно, что докторантъ сынъ священника Костромской губ. окончилъ курсъ Московской духовной академіи въ 1858 году со степенью магистра богословія. Его магистерская диссертация: «Объ образѣ дѣйствования православныхъ государей Греко-Римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ» была напечатана въ академическомъ журналѣ по опредѣленію высшаго начальства. До 1861 года состоялъ учителемъ словесности въ Виоанской духовной семинаріи, а въ этомъ году опредѣленъ бакалавромъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка при Московской духовной академіи. Послѣ преобразованія академіи избралъ для преподаванія русскую церковную исторію, каковую читаетъ и до сего времени. Былъ въ заграничной командировкѣ съ специальною цѣлью ознакомленія съ исторіей православныхъ церквей востока. Произведенъ въ экстра-ординарные профессора академіи. За рецензіи, по порученію академіи наукъ, удостоенъ академіей двухъ золотыхъ Уваровскихъ медалей. За сочиненіе «Константинъ и Меодій апостолы славянскіе» Императорскою академіею наукъ присуждена ему Уваровская премія въ 1500

рублей. Избранъ въ дѣйствительные члены общества древне-русского искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ (1874 г.). Избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ (1878). Избранъ дѣйствительнымъ членомъ Кіевскаго ученаго общества преподаваго Нестора лѣтописца. Изъ ученыхъ трудовъ его, можно ряда статей помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно замѣчательны: Исторія православныхъ восточныхъ церквей и «исторія Русской церкви». Періодъ первый, Кіевскій или до монгольской, первая половина тома (вторая половина тома только что отпечатана). Это сочиненіе и представлено авторомъ для соисканія ученой степени доктора богословія.

Вотъ тезисы къ докторской диссертациі г. Голубинскаго.

1) Первое насажденіе христіанства въ Кіевѣ усвоаютъ первымъ варяжскимъ его князьямъ Аскольду и Диру. Но чтобы въ неизвѣстныхъ Россіяхъ греческихъ лѣтописцевъ, нападавшихъ на Константинополь въ правленіе императ. Михаила III и потомъ обратившихся въ христіанство и пожелавшихъ имѣть своего епископа, дѣйствительно нужно было видѣть нашихъ Кіевскихъ Русскихъ, съ Аскольдомъ и Диромъ во главѣ, это весьма сомнительно. Гораздо вѣроятнѣе принимать сихъ Россіей за Русскихъ Азовско-Таврическихъ.

2) Дѣйствительное появленіе христіанъ въ Кіевѣ между варягами имѣло мѣсто не позднѣе начала правленія великаго князя Игоря. Въ концѣ правленія Игоря христіанъ между варягами въ Кіевѣ было очень много, и при этомъ необходимо думать, что самъ князь съ княгинею (св. Ольгою) внутренне принадлежали къ ихъ сторонѣ.

Св. Ольга (послѣ смерти Игоря и послѣ достиженія совершеннолѣтія сыномъ ея Святославомъ) приняла крещеніе, какъ необходимо заключать изъ читаемаго у Константина Порфирогенита разсказа объ ея пребываніи въ Константинополѣ, не въ семь послѣднемъ, а въ Кіевѣ или вообще въ Россіи.

3) Отъ смерти Игоря и до св. Владиміра христіане не исчезали въ Кіевѣ, но постоянно продолжали оставаться въ немъ въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, представляя собою иновѣрческую общину рядомъ съ господствующимъ язычествомъ. Они не пользовались расположеніемъ великаго кн. Святослава, но не подвергались отъ него и открытымъ гоненіямъ.

4) Повѣсть о крещеніи Владиміра, помѣщенная въ лѣтописи и представляющая дѣло такимъ образомъ, что къ великому князю Кіевскому приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣрѣ, — что князь послалъ своихъ пословъ для осмотра вѣрѣ на мѣстахъ и что потомъ онъ крестился въ завоеванной имъ Корсуни, должна быть признаваема за позднѣйшую легенду. Дѣйствительную вѣроятнѣйшую исторію обращенія Владиміра въ христіанство нужно представлять такъ, что онъ, расположенный къ христіанству примѣромъ и (можетъ быть) прямымъ наученіемъ своей бабки св. Ольги и возвышавшійся до пониманія его превосходства надъ язычествомъ собственнымъ умомъ, окончательно былъ убѣжденъ къ его принятію Кіевскими варягами христіанами. Крещенный въ самой Россіи мѣстными священниками, бывшими у сихъ послѣднихъ, онъ предпринялъ походъ на Корсунь на третій годъ послѣ крещенія, причѣмъ цѣлю похода должно быть предполагаемо желаніе заставить императоровъ греческихъ выдать за себя замужъ ихъ сестру, а сіе послѣднее желаніе должно быть понимаемо такъ, что въ род-

ствѣ съ императорами греческими онъ видѣлъ надежнѣйшее средство вступитъ въ возможно тѣсный союзъ съ греками, что представлялось ему необходимымъ для цѣлей государственныхъ.

5) Относительно крещенія Владиміромъ народа должно думать, что не всѣми и не вездѣ христіанство было принято охотно и что оно введено было съ употребленіемъ не однихъ только мѣръ кротости, но также и мѣръ строгости.

6) Относительно того, насколько Владиміръ усилялъ водворять христіанство на Руси, нужно думать, что онъ крестилъ всю Русь собственно русскую (состоящую изъ природныхъ славяно-руссовъ) и оставилъ некрещенною Русь инородческую.

7) Послѣ вѣрнаго водворенія христіанства на Руси Владиміромъ, преемникъ его Ярославъ позаботился о средствахъ къ внутреннему воспитанію народа въ христіанствѣ, о доставленіи ему греческихъ церковно-учительныхъ книгъ, при чемъ главнѣйшимъ образомъ приобрѣтены были готовые славянскіе переводы, сдѣланные въ Болгаріи, но отчасти сдѣланы были и собственные переводы съ греческаго.

8) Въ отношеніи къ церковному управленію Русь подчинена была Константинопольскому патриарху, какъ одна изъ его митрополій. Однако есть нѣкоторое основаніе предполагать, что первоначально она получила было независимость съ автокефальнымъ архіепископомъ во главѣ.

9) Первымъ митрополитомъ русскимъ былъ не Михаилъ, а Леонъ или Левъ, прибывшій на Русь съ епископами на третій годъ послѣ взятія Владиміромъ Корсуни.

10) По существовавшему въ то время порядку въ патриархатѣ Константинопольскомъ, митрополиты наши не только поставались патриархомъ, но и выбирались имъ съ находившимся при немъ соборомъ архіереевъ, вслѣдствіе чего они были обычно изъ грековъ. Но имѣли мѣсто два случая избранія и поставленія митрополитовъ въ самой Россіи изъ природныхъ русскихъ. Весьма сомнительно, чтобы случаямъ этимъ должно было усвоить значеніе протестовъ противъ власти митрополитовъ — грековъ.

11) Въ отношеніи къ епископіямъ весьма важною особенностію нашего церковнаго управленія стало то, что у насъ открыто было весьма малое количество весьма большихъ епархій.

12) Положительныя свѣдѣнія о составѣ епархіальнаго управленія состоятъ въ томъ, что епископы имѣли при себѣ соборы клирошанъ, т. е. соборы кафедральныхъ священниковъ, которые составляли ихъ правительственные совѣты. Есть указанія, заставляющія думать, что въ главнѣйшихъ городахъ епархій были у епископовъ намѣстники, имѣвшіе при себѣ также соборы клирошанъ и завѣдывавшіе отдѣльными округами епископій. Затѣмъ, надлежитъ съ большою вѣроятностію принимать, что ближайшій надзоръ надъ духовенствомъ былъ порученъ десятиникамъ, которые были собственно сборщиками епископской десятины съ мірскихъ населеній епархій и которые были изъ лицъ не духовныхъ, а свѣтскихъ.

13) Пространство епархіальнаго суда опредѣлялось у насъ значительно иначе, чѣмъ въ Греціи, по различію мѣстныхъ условій. У насъ не было предоставлено епископамъ, какъ то было въ Греціи, принимать къ своему третейскому суду мѣришь со всякими дѣлами гражданскими, еслибы они вмѣсто мірскихъ судей хотѣли судиться у нихъ — епископовъ; но у насъ были предоставлены мѣряне въ постоянную и собствен-

ную подсудность епископовъ въ отношеніи къ довольно значительному количеству дѣлъ гражданскихъ.

14) Низшее приходское духовенство, первоначально созданное правительствомъ искусственнымъ образомъ, посредствомъ принудительныхъ наборовъ между крестьянами, въ послѣдующее время имѣло своихъ кандидатовъ отчасти въ лицахъ изъ мірянъ и именно, какъ нужно думать—людей не тяглыхъ въ сословіи крестьянскомъ, главнымъ же образомъ въ дѣтяхъ самихъ духовныхъ, такъ что наследственность духовнаго званія должна быть возводима къ весьма древнему времени.

У бояръ было въ обычаѣ поставлять въ свои домовые священники, а также и въ приходскіе священники къ церквамъ, находившимся въ ихъ имѣніяхъ, своихъ рабовъ, при чемъ сіи послѣдніе не были освобождаемы отъ рабства и послѣ поставленія.

По своей способности къ исполненію обязанностей званія приходское духовенство было весьма не высоко. Въ соотвѣстствіе этому и его матеріальное обезпеченіе было очень ограниченное.

15) вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства Владиміръ желалъ ввести въ Россіи греческое просвѣщеніе. Но его попытка не имѣла успѣха, и у насъ водворилась одна грамотность, при которой наше просвѣщеніе должно было состоять въ собственности каждаго желавшаго и имѣвшаго возможность начитанности въ церковно-учительныхъ книгахъ, переведенныхъ съ греческаго языка.

По особымъ условіямъ періода домонгольскаго, среди общаго отсутствія образованія, у насъ могли быть тожь отдѣльные люди, настоящимъ образомъ образованные.

16) Составъ церковно-учительныхъ книгъ, которые находились въ распоряженіи домонгольскихъ предковъ нашихъ въ славянскомъ переводѣ, былъ сравнительно весьма не скуденъ. Но нельзя думать, чтобы чтеніе книгъ людьми, нисколько не подготовленными къ нему научнымъ образованіемъ, могло приводить къ совершенно удовлетворительнымъ результатамъ.

17) Несмотря на отсутствіе образованія, у насъ была въ періодъ домонгольскій своя письменность,—письменность не научная (преднаучная), преимущественно повѣствовательная и правоучительная.

Въ видѣ исключенія имѣемъ отъ періода домонгольскаго двухъ церковныхъ ораторовъ (митр. Иларіона и Кирилла Туровскаго) относительно которыхъ со всею вѣроятностью должно предполагать, что они получили настоящее образованіе.

Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ прежде всего сказалъ, что изъ самой книги всякому понятны побужденія, какими руководился онъ при написаніи своего труда. Побужденіемъ этимъ было желаніе, по мѣрѣ возможности, внести отъ себя кое-что въ русскую историографію, явиться работникомъ на историческомъ поприщѣ. Затѣмъ диспутантъ упомянулъ о дошедшихъ до него упрекахъ его труду. Главный упрекъ—это то, что авторъ будто бы развѣчиваетъ Владиміра святаго, низводитъ его съ того пьедестала, на которомъ онъ стоитъ въ народныхъ легендахъ. Въ свое оправданіе докторантъ сослался на то, что высказанное имъ мнѣніе не новое. Его высказалъ и покойный Сергій Михайловичъ Соловьевъ, подъ ученый авторитетъ котораго диспутантъ можетъ смѣло стать. Вся разность между докторантомъ и С. М.

Соловьевымъ та, что послѣдній говоритъ объ этомъ событіи мало, тогда какъ авторъ распространяется объ этомъ событіи. Но это объясняется тѣмъ, что Сергій Михайловичъ историкъ гражданскій, а диспутантъ—церковный. Послѣ такого самооправданія докторантъ высказалъ свой взглядъ на Владиміра святаго. Этотъ взглядъ не только не развѣчиваетъ Владиміра, а напротивъ возвышаетъ его. Дѣло въ томъ, что легенды представляютъ Владиміра человекомъ рѣшившимся перемѣнить вѣру не по своему убѣжденію, а по убѣжденію своихъ бояръ. Характеръ Владиміра говоритъ совершенно противное. Онъ могъ крестить и дѣйствительно крестилъ Русь по личному убѣжденію, по сознанию превосходства христіанской вѣры. Слѣдовательно, Владиміръ, по взгляду докторанта, становится неизмѣримо выше. Далѣе диспутантъ сказалъ, что до него доходили упреки и относительно другихъ оригинальныхъ мнѣній, высказанныхъ въ его книгѣ. Особенно много оригинальнаго высказано въ главѣ объ управленіи. Эта оригинальность произошла: 1) отъ того, что по этому отдѣлу чрезвычайно мало источниковъ, мало является живыхъ лицъ, которыя бы могли характеризовать этотъ отдѣлъ, и 2) что онъ, какъ историкъ, человекъ живой и всюду дѣйствовалъ искренно, по убѣжденію. Наконецъ, оригинальность замѣтна и въ стремленіи автора употреблять аналогію и при томъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Причина этого опять таки отсутствіе источниковъ и то обстоятельство, что слишкомъ быстрыя перемѣны въ жизни народной явленіе почти невозможное и по этому аналогія можетъ имѣть въ этомъ случаѣ всю свою силу.

Первымъ официальнымъ оппонентомъ явился орд. проф. Московск. духовной академіи, знаменитый знатокъ исторіи русскаго раскола, Н. И. Субботинъ. Свою бесѣду съ диспутантомъ оппонентъ началъ съ похвалы ученаго труда докторанта, причемъ высказалъ ему свое глубокое уваженіе. «Вы, сказалъ оппонентъ, положили столько труда, самаго глубокаго, основаннаго на тщательномъ изученіи первоисточниковъ, что всякій читатель, поневоля, преклонится предъ этой ученостью. Въ числѣ этихъ почитателей я отвожу себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Не иначе, какъ съ уваженіемъ отношусь я къ вашему труду, который вы начали писать и которому я желаю успѣха на пользу науки и къ удовольствію читателей. Но въ качествѣ подневольнаго возражателя я долженъ говорить противъ вашей книги». Прежде всего оппонентъ высказалъ несоотвѣтствіе между названіемъ книги въ полномъ ея составѣ и ея содержаніемъ. Историкъ долженъ представить выжатый имъ изъ историческихъ матеріаловъ сокъ и поднести его читателю въ изящномъ сосудѣ. Находить ли это читатель въ вашей книгѣ. — Далекъ нѣтъ. Вы большею частію заставляете его присутствовать при самомъ процессѣ выжиманія». По словамъ оппонента, исторія докторанта не подходитъ на то, что читатель привыкъ разумѣть подъ этимъ названіемъ, особенно не походить на извѣстные историческіе опыты. Положимъ, что всѣ они несовершенны, но во всякомъ случаѣ они составляютъ прогрессъ на пути къ совершенству. Затѣмъ оппонентъ нарисовалъ весьма яркую и характерную картину, какъ докторантъ подходитъ съ молотомъ своей критики къ историческому зданію и начинаетъ громить его. Подъ тяжелыми ударами этой критики одни камни, лежавшіе неподвижно и прочно разлетаются въ прахъ, на мѣсто ихъ вставляютъ другіе—новые. Докторантъ согласился, что его исторія дѣйствительно несоотвѣтствуетъ своему названію, но

если она не настоящая исторія, то это потому, что мы недоработались еще до настоящей исторіи. Послѣ этого оппонентъ перешелъ къ мѣсту, гдѣ авторъ говоритъ о причинахъ несовершенства нашей исторіи. Авторъ считаетъ одною изъ главныхъ причинъ скудость и несовершенство источниковъ, которые не изображаютъ ни живыхъ людей, ни событий и наконецъ то, что русскіе представляютъ изъ себя народъ весьма невысокаго достоинства. По скудости источниковъ, замѣтилъ оппонентъ «еще нельзя судить о достоинствѣ народа». Развѣ все, что было написано въ древности дошло до насъ? У насъ погубило очень много древнихъ письменныхъ памятниковъ. Оппонентъ не согласился и съ тѣмъ мнѣніемъ, что до Петра Великаго извѣстна только одна историческая біографія (Никона) а при этомъ указалъ диспутанту на другіе историческіе памятники въ этомъ же родѣ. Равнымъ образомъ оппонентъ былъ и противъ того мнѣнія автора, что наши іерархи были безличными людьми, тѣнями, простыми ярлыками на мѣстахъ и что на всемъ пространствѣ времени только одинъ Никонъ выступаетъ, какъ живая личность. Русская исторія знаетъ не мало лицъ, которые оставили свои сочиненія и совершали дѣла, подобныя дѣламъ Никона.

Диспутантъ замѣтилъ, что онъ не отрицаетъ способностей русскаго народа, а только говоритъ, что историческая жизнь русскаго народа протекла очень своеобразно и что церковной исторіей своей онъ почти не занимался, особенно же въ домонгольскій періодъ.

Оппонентъ перешелъ затѣмъ къ отдѣлу, гдѣ авторъ характеризуетъ періоды: Кіевскій, Московскій и Петербургскій. Первые два періода, по автору, представляютъ собою одно цѣльное, характеризующееся отсутствіемъ просвѣщенія, тогда какъ Петербургскій періодъ водворяетъ просвѣщеніе. Какое просвѣщеніе разумѣть здѣсь? Основаніе духовныхъ школъ встрѣчается на Руси гораздо раньше основанія Петербурга и воцаренія Петра I. Если разумѣть науку свѣтскую, нѣмецкую, которую Петръ I пересадилъ на русскую почву, то опять таки является вопросъ: ужели эта именно наука такъ плодотворно отразилась въ области церковной.

Диспутантъ замѣтилъ на это, что онъ разумѣетъ въ данномъ мѣстѣ образованіе духовное, а ведетъ съ Петра потому, что только съ этого времени являются историческіе источники.

Оппоненту показалось страннымъ въ книгѣ автора самое названіе періодовъ. Петербургскій періодъ принято называть синодальнымъ и не видно, почему авторъ предпочелъ ему названіе періода Петербургскимъ.

Диспутантъ заявилъ, что онъ всѣ періоды называетъ по городамъ. И ему казалось неловкимъ употреблять названіе: Кіевскій, Московскій и Синодальный. Поговоривши затѣмъ объ одномъ подстрочномъ примѣчаніи, которое вызываетъ въ читателѣ большое недоумѣніе, оппонентъ перешелъ къ характеристикѣ приемовъ и способовъ, какіе употребляетъ авторъ въ своей ученой работѣ. Главный приемъ, какому слѣдуетъ авторъ, это разложеніе каждаго сказанія на его составныя части, причемъ за начало принимается то, что ясно, просто и естественно. Этотъ приемъ можетъ быть полезенъ только для очищенія поля исторической науки; но при этомъ должна быть соблюдаема большая осторожность. Иногда неясное для одного кажется яснымъ для другаго. Оппонентъ назвалъ не вполне истиннымъ и тотъ приемъ, когда авторъ прилагаетъ болѣе позднюю мѣрку къ событіямъ глубокой старины.

Послѣ этого началъ свои возраженія другой официальный оппонентъ э. орд. проф. Моск. духовн. академіи В. О. Ключевскій. Прежде всего онъ сказалъ, что ему не надобно высказывать свои общія сужденія о трудѣ диспутанта. Во 1-хъ это значило бы повторять свой оффиц. отзывъ, а во 2-хъ повторять сужденіе, высказанное его предшественникомъ. Книга докторанта, по словамъ оппонента, затрогиваетъ столько любопытныхъ вопросовъ, что характеризовать ее было бы дѣломъ довольно труднымъ. Въ трудѣ замѣчается одинъ общій недостатокъ. Разбирая вопросъ, онъ не вездѣ все договариваетъ. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ при чтеніи книги, потому что стоитъ въ противорѣчій съ ея главнымъ характеромъ. «Вашъ трудъ, сказалъ оппонентъ, не прагматическая исторія, но онъ отвѣчаетъ на живую потребность, которая чувствуется въ нашей церковно-исторической литературѣ». Потомъ оппонентъ остановился на критикѣ источниковъ и повелъ свою рѣчь о лѣтописяхъ. Оппонентъ не соглашался съ мнѣніемъ докторанта, что вся лѣтопись принадлежитъ одному лицу, равнымъ образомъ не согласился, что годы въ лѣтописи разставлены самымъ авторомъ ея. Оппонентъ даже высказалъ свое удивленіе, что авторъ, основательно критиковавшій факты, основанные на хронологіи лѣтописи, не подвергъ критикѣ самой хронологіи лѣтописи, которая не имѣетъ никакого историческаго основанія. Затѣмъ оппонентъ замѣтилъ, докторанту, что онъ въ своей книгѣ, въ отдѣлѣ объ управленіи, оказывается очень строгимъ къ источникамъ. Тутъ же оппонентъ заявилъ, что источники по этому отдѣлу не такъ скудны, какъ представляетъ авторъ и сдѣлалъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ этого оппонентъ перешелъ къ вопросу о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава. При этомъ оппонентъ не согласился съ мнѣніемъ приведеннымъ объ упомянутыхъ уставахъ въ докторской диссертациі диспутанта.

Послѣ возраженій официальныхъ оппонентовъ выступилъ съ возраженіями, редакторъ Душеполезнаго Чтенія о. Нечаевъ. Онъ высказалъ благодарность докторанту за то удовольствіе, которое онъ доставилъ совмѣщеніемъ въ своей книгѣ популярности и учености. О. Нечаевъ сказалъ: отъ многихъ я слышалъ, что книга ваша, читается легко, какъ романъ. Оппонентъ не соглашался съ мнѣніемъ докторанта, что при Игорѣ было много христіанъ. То, что христіане первые присягаютъ еще не говорить о численности христіанъ. Русскіе въ данномъ случаѣ были побѣжденной стороной и потому христіане, которыхъ могло быть не много, могли присягать первыми въ угоду грековъ—христіанъ же.

Диспутантъ замѣтилъ, что о значительномъ числѣ христіанъ говорить лѣтописецъ.

Поговоривши потомъ объ отношеніи Святослава къ христіанству, о. Нечаевъ высказался противъ мнѣнія автора о несовмѣстности монашескаго обѣта съ архіерействомъ. Этотъ вопросъ обсуждался очень горячо и оживленно. Когда же диспутантъ въ подтвержденіе своего мнѣнія прочиталъ каноническое правило, раздались дружныя, долго не смолкавшія рукоплесканія. Бесѣдою о священствѣ и соединенныхъ съ нимъ правахъ о. Нечаевъ кончилъ свою бесѣду съ усталымъ и измученнымъ докторантомъ. Послѣ этого о. ректоръ академіи отобралъ голоса отъ членовъ Совѣта и объявилъ, что защита докторской диссертациі Евгеніемъ Евстигнѣвичемъ Голубинскимъ единогласно признана со стороны членовъ удовлетворительною.

— Заимствуемъ изъ газеты «Земство» болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о новомъ составѣ Московской городской думы. Баллотированію подвергалось 1819 кандидатовъ (въ 1 разр. 262, во второмъ—504, въ третьемъ—1053). Изъ состава нынѣшней думы выбрано въ гласные 72, въ томъ числѣ 48 купцовъ и почетныхъ гражданъ. По званіямъ и профессіямъ новые гласные распредѣляются такимъ образомъ: профессоровъ, редакторовъ періодическихъ изданій, художниковъ, врачей, инженеровъ, присяжныхъ повѣренныхъ—25, дворянъ и чиновниковъ—29, духовнаго званія—4, купцовъ и почетныхъ гражданъ—72, мѣщанъ—20, ремесленниковъ—25 и крестьянъ—4. Если сравнить этотъ составъ съ составомъ нынѣшней думы, въ которой состоятъ гласными 144 купца и почет. гражд., 30 дворянъ и чиновниковъ, 4 духовнаго званія, 1 мѣщанинъ и 1 цеховой, то окажется, что составъ городскихъ представителей въ значительной степени измѣнился: купечество потеряло ровно половину представителей, дворянство, чиновничество и либеральныя профессіи приобрѣли 24 мѣста, мѣщане и ремесленники, почти отсутствовавшіе въ прежней думѣ, заняли 43 мѣста.

— Обращаемъ особенное вниманіе на нижеслѣдующее постановленіе Московскаго губернскаго земскаго собранія, какъ имѣющее чрезвычайно важное значеніе для церковно-приходской жизни, конечно, если оно найдетъ себѣ въ нѣкоторыхъ неоспоряемыхъ положеніяхъ практическое приложеніе. Постановленіе это предложено гласнымъ Д. О. Самаринымъ. Рѣчь зашла въ собраніи о выдачѣ пособій крестьянамъ для обѣзмененія полей. Постановивши вопросъ шире, и указавши на другіе случаи, когда требуется выдача пособій и благотворительность Д. О. Самаринъ высказалъ мысль о необходимости правильной организаціи благотворительности, безъ которой дѣло не можетъ идти усѣбно. Дѣло благотворенія требуетъ не только правильной, но и постоянно дѣйствующей организаціи. Когда бѣдствіе настанетъ, тогда не время думать объ организаціи благотворительности, — она должна быть уже готова. Земскія и городскія учрежденія могутъ только отчасти исполнить эту дѣятельность, потому что назначеніе ихъ неблаготворительно только. Нужно найти такое учрежденіе, которое бы стояло близко къ народу, для котораго благотворительность была бы вполне естественною, вытекала бы изъ самой идеи, одушевляющей это учрежденіе. Единственная общественная единица вполне удовлетворяющая этой задачѣ—есть *приходъ*. Далѣе г. Самаринъ въ своей рѣчи развилъ слѣдующій взглядъ на приходъ. Этими словомъ въ послѣднее время злоупотребляли. Недавно высказана была мысль приурочить къ приходу волостной судъ, въ Москвѣ—городскіе выборы сдѣлать по приходамъ, наконецъ, чтобы къ приходамъ были приурочены ссудо-сберегательныя кассы. Все это не основательно. Что такое приходъ? Это не территориальная, опредѣленная географическими границами единица, а известное общество людей связанныхъ между собою единствомъ мысли и убѣжденія и стремленіемъ къ одинаковой цѣли. Эта единица юридическая. Она имѣетъ такое же значеніе въ нашемъ политическомъ строѣ какъ и сельская община. Очевидно, что правильное развитіе церковной жизни въ этой первичной единицѣ должно отразиться на жизни всей церкви; если же теченіе жизни на этой первичной единицѣ не нормально, то таковымъ оно должно отразиться и во всемъ организмѣ церковномъ. Въ какихъ условіяхъ находится приходъ? Въ самыхъ неблагоприятныхъ. При-

ходъ въ смыслѣ юридическаго лица не признается закономъ. Онъ не можетъ приобретать имущества; хотя каждый прихожанинъ можетъ сдѣлать на церковь пожертвованіе, но законъ не обезпечиваетъ жертвователя въ томъ, что его пожертвованіе останется при той церкви, для которой сдѣлано, а указываетъ, что оно составляетъ достояніе *всей* церкви. Имѣетъ ли приходъ право завѣдывать имуществомъ церковнымъ? Онъ имѣетъ право избирать старосту, но староста не отвѣчаетъ предъ приходомъ за свою дѣятельность, а является лицомъ чиновнымъ, отвѣтственнымъ только предъ епархіальнымъ начальствомъ. Имѣетъ ли приходъ право рекомендовать хорошаго человѣка во священника? Нѣтъ. А между тѣмъ это право прихода древнее и признавалось за приходомъ до начала настоящаго столѣтія. Вотъ что говорится въ инструкціи благочиннымъ, составленной митрополитомъ Московскимъ Платономъ: «Если гдѣ священникъ, или діаконъ, или церковники умрутъ, тебѣ, благочинному, за извѣстіе немедленно репортовать въ консисторію и о священникахъ представлять его преосвященству: а между тѣмъ прихожанамъ предлагать чтобы немедленно избирали достойнаго и заручнаго, тобою, благочиннымъ, засвидѣтельствованнаго, прошенія присылали; а если къ избранію священника чрезъ мѣсяць, а діаконъ и церковниковъ черезъ два мѣсяца не приступятъ, о томъ представлять незабвенно». Слѣдующая статья инструкціи опредѣляетъ самый порядокъ избранія: «При избраніи священника должно быть тебѣ, благочинному, неотмѣнно, избранію же быть въ церкви при собраніи священно и церковно служителей и лучшихъ прихожанъ; и по молитвѣ, и по призваніи Божію благодати, избрать достойнаго таковыя должности, честнаго житіемъ и постепеніемъ и предпочтительно изъ ученыхъ, почему тебѣ, благочинному, и представлять прихожанамъ, чтобы избрали таковыхъ качествъ человѣка; а если бы при той совершенно достойнаго не оказалось, то избирать отъ другихъ церквей достойнаго, или отдавать на благоусмотрѣніе архіерейское; и для того тебѣ, благочинному, на тѣхъ заручныхъ прошеніяхъ подписывать какъ въ несумнительномъ подписаніи приходскихъ рукъ, такъ и въ томъ, что избраніе происходило настоящимъ порядкомъ».

Вотъ правила которыя дѣйствовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка и исходили отъ лица на которое смѣло можно сослаться, когда рѣчь идетъ объ этомъ дѣлѣ. На всемъ Востокѣ право избранія священника принадлежитъ приходу. Въ бывшіе во время послѣдней войны въ Болгаріи могутъ засвидѣтельствовать, что тамъ нѣтъ ни одного прихода въ которомъ священникъ не былъ бы избранъ прихожанами. Чтобы въ приходѣ снова возникла жизнь и получила правильное теченіе, необходимо признать за приходомъ это право. Приходъ долженъ быть лицомъ юридическимъ получить право приобретать имущества и избирать священниковъ кои въ настоящее время стоятъ внѣ всякаго почти нравственнаго воздѣйствія со стороны прихода. При этомъ г. Самаринъ указалъ на печальные примѣры борьбы со старостами церковными и т. п. Еслибы приходъ былъ признанъ церковною единицей и поставленъ въ жизненныя условія, то весьма сомнительно, чтобы къ нему можно было приурочить такое учрежденіе которое не имѣло бы церковнаго характера. Иное дѣло благотворительность: приурочивая къ приходу это дѣло, мы ничего не привносимъ въ него чуждаго. Но необходимо чтобы приходъ былъ вызванъ къ жизни, признанъ лицомъ юридическимъ, полноправнымъ въ известныхъ предѣлахъ.

Только при такомъ условіи и церковь, которую мы исповѣдуемъ соборною, получить условія полного единомыслія и единодушія.

Итакъ: имѣя въ виду: 1) что для дѣлъ призрѣнія и благотворенія возложенныхъ положеніемъ 1 января 1864 года на земство необходимы, кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, еще органы мѣстные, близко стоящіе къ народонаселенію и могущіе отличить въ массѣ просящихъ помощи дѣйствительно нуждающихся и наблюдать за правильнымъ употребленіемъ суммъ отпускаемыхъ на этотъ предметъ; 2) что церковь всегда признавала дѣла призрѣнія и благотворенія входящими въ ея область, а потому они могутъ быть приурочены къ приходамъ въ смыслѣ церковныхъ обществъ; 3) что приходъ какъ единица мѣстная и обнимающая лицъ всѣхъ сословій представляется наиболѣе цѣлесообразною для возложенія на нее дѣлъ призрѣнія и благотворенія; 4) что для того чтобы дѣятельность благотворительная могла проявиться и укрѣпиться въ приходскихъ обществахъ, надобно чтобы она была поставлена въ такія условія при которыхъ жизнь могла бы снова проявиться въ нихъ, — Московское губернское земское собраніе постановляетъ ходатайствовать о томъ: а) чтобы приходы, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица; б) чтобы было возстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; в) чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; г) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобы оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества, и д) чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ такъ и сельскимъ, причемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники живущіе въ приходѣ, хотя бы они официально въ немъ и числились. Рѣчь гласнаго Самарина была окончена при рукоплесканіяхъ собранія. Послѣ довольно оживленныхъ преній, вызванныхъ замѣчаніемъ гласнаго Скалона относительно того, что въ нашихъ приходсахъ единства мысли и цѣли не встрѣчается такъ какъ раскольники разныхъ сектъ проживающіе въ приходсахъ вовсе не солидарны съ господствующею церковью, предложеніе г. Самарина было принято единогласно съ поправкой касательно старовѣровъ, сдѣланной въ послѣднемъ пунктѣ.

Взглядъ редакціи Ц. В. на предложеніе г. Самарина былъ изложенъ въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

ГАЗЕТА „РУСЬ“ И ПРИЕМЪ, ОКАЗАННЫЙ ЕЙ ВЪ ПЕЧАТИ.

Издатель газеты: «Русь», какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ къ славянофиламъ, людямъ поставившимъ на своемъ знамени стремленіе къ возвращенію нашей интеллигенціи, предавшейся и душою сердцемъ западному ученію и западнымъ формамъ жизни къ Русскому, родному, выработанному тысячелѣтнею исторіею нашего отечества. Эти люди явились съ своимъ могучимъ словомъ во второй четверти нынѣшняго

столѣтія во время самаго сильнаго нашего раболѣпства предъ западомъ и, понятно, были встрѣчены недружелюбно, даже враждебно. Но это ихъ не остановило. Поборники правды они были готовы на все за правду. Никто конечно, не въ состояніи отвергнуть того, что это были все люди глубоко-образованные, все люди горѣвшіе безкорыстнымъ и пламеннымъ рвеніемъ послужить родинѣ, народу ихъ вскормившему и церкви православной, желавшіе водворить единеніе между обществомъ и народомъ, сообщить внутреннюю правду русской жизни. А правды этой, очевидно, не было въ то время, когда почти все, что стояло выше простаго народа, отъ него отворачивалось, когда и за людей не признавались люди народа, когда вся обреченая Русь представлялась для управлявшей части народа нужною лишь для того, чтобы доставлять ей средства къ жизни. Противъ этой то вопіющей лжи выступили славянофилы. Цѣли ихъ были возвышенны, дѣйствія честны. Къ счастью, это были люди независимаго положенія и ихъ голосъ былъ слышенъ. Къ служенію русскому народу они присоединили служеніе славянству. Изъ нихъ вышли замѣчательные общественные дѣятели, публицисты, ученые. Къ числу этихъ то людей принадлежатъ и Ивацъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Извѣстна всѣмъ его дѣятельность, какъ журналиста, которой онъ пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ. Его изданія: «День», «Москва» свѣтлыя точки на пройденномъ нашей журналистикой поприщѣ. Еще болѣе полезна всей Россіи дѣятельность его въ Славянскомъ комитетѣ, во время послѣдней сербской и русско-турецкой войны.

Въ наши дни общественнаго шатанія онъ снова выступаетъ на литературномъ поприщѣ для защиты своихъ идеаловъ и ихъ осуществленія. Названіемъ газеты, которую издаетъ П. С. Аксаковъ съ 15 ноября, выбрано было имя, которое съ самаго начала выставили на своемъ знамени славянофилы: «Русь». Появленіе этого изданія, выраженныя въ немъ воззрѣнія—результатъ цѣлой жизни. Въ мысляхъ, высказываемыхъ въ «Руси» нашло себѣ выраженіе искреннее, глубокое убѣжденіе человѣка, вся предъидущая жизнь котораго прошла въ безкорыстномъ трудѣ на благо отечества, на пользу Руси. Появленіе «Руси» было событіемъ не только въ журналистикѣ, но и вообще въ русской жизни.

По выходѣ 1 № и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ только и говорили о новой газетѣ. Иначе и не могло быть при той заслуженной извѣстности, которою пользуется въ обществѣ его издатель. Это одна изъ отраднѣйшихъ чертъ для характеристики нашего общества. Это вниманіе общественное должно быть наградой безкорыстныхъ дѣятелей и благо наше, если общество наше не будетъ забывать своего долга, по отношенію къ достойнымъ гражданамъ: этимъ оно увеличитъ число своихъ безкорыстныхъ радѣтелей. Итакъ, вниманіе общества сдѣлало появленіе «Руси» событіемъ. Иное дѣло печать. Прискорбно то отношеніе къ новой газетѣ, которое обнаружилось въ части ея, считающей себя либеральною. Она встрѣтила завѣтныя мысли славянофиловъ о способѣ оздоровленія нашего государственнаго организма отчасти съ дѣтскимъ легкомысліемъ, отчасти съ недобросовѣстнымъ пренебреженіемъ. Последнее особенно ясно изъ того, что нѣкоторыя газеты совсѣмъ промолчали о «Руси». Очевидно, что «либеральная» печать всего охотнѣе не проронила бы ни слова о появленіи новаго журнала; если бы только это было возможно. Но «Русь» произвела впечатлѣніе: о ней всѣ загово-

рили. Мысли ея шли совершенно въ разрѣзъ съ ходячими фразами, составляющими содержаніе либеральныхъ органовъ и послѣднимъ нужно было уничтожить впечатлѣніе. Появилось нѣсколько статей и передовыхъ, и въ фельетонѣ, и замѣтокъ въ отдѣлѣ, посвященномъ обзору печати, въ самыхъ запальчивыхъ представителяхъ указаннаго направленія, «Молва» и «Русскомъ Курьерѣ». Вы спросите, неужели выставленное человѣкомъ, какъ плодъ жизни, убѣжденіе не вызвало въ сочинителяхъ-либералахъ попытки серьезно отнестись къ вопросу о благѣ отечества, подумать, не на его ли сторонѣ правда; неужели осмѣлились отнестись къ нему иначе какъ съ почтеніемъ, неужели не высказали своего мнѣнія скромно, люди, далеко не имѣющіе за собою того, что, какъ мы, показали, имѣть за собою издатель «Руси»? Къ сожалѣнію приходится отвѣтить: нѣтъ. Можно навѣрно сказать, что и въ голову имъ не пришло, что можно имъ чему нибудь научиться. Ихъ убѣжденія давно составлены и непогрѣшимы. Они отнеслись къ мыслямъ развитымъ съ первыхъ №№ «Руси», полуснисходительно, полупрезрительно, написали статьи, въ которыхъ ихъ опровергаютъ: все это по ихъ мнѣнію, слишкомъ старо и скучно: ничего новаго они отъ Ив. Серг. не услышали. Самымъ снисходительнымъ сужденіемъ объ этомъ будетъ то, если мы скажемъ, что это истинно дѣтское отношеніе къ дѣлу: серьезные вещи скучны дѣтямъ, которые любить игрушки, но взрослымъ людямъ...? Точно также и любить то, что ново, а не то, что истинно не есть признакъ людей истиннообразованныхъ. Самое различіе стараго и новаго для человѣка, окидывающаго пройденный человѣчествомъ путь, какъ то странно. Что же ново? Почти 1900 лѣтъ истиннаго христіанства. Неужели она стара? Быть можетъ новѣе современныя матеріалистическія теоріи: но онѣ были высказаны еще до появленія Спасителя на землѣ. Посмотримъ теперь, кто больше стоитъ на почвѣ любви и истины: издатель газеты «Русь» или его противники. Не имѣя возможности останавливаться на подробностяхъ, мы укажемъ на сущность дѣла. Основная мысль, высказанная въ передовой статьѣ перваго № «Руси» та, что Петръ Великій повернулъ Россію на западъ слишкомъ сильно, такъ что она до сихъ поръ еще не можетъ придти въ себя — что намъ пора вступить на національный путь. Иначе говоря, воспользовавшись преимуществами реформы, время уже освободиться отъ внесенныхъ ею золъ. И правительство уже вступило на новый путь и ясно засвидѣтельствовало это актомъ 19 февраля 1861 г. Оно призывало этимъ актомъ Россію къ новой жизни. Было уничтожено два тяжелыхъ ига, давившихъ не одно простонародье, но и весь народъ русскій: иго крѣпостнаго права и иго формализма, мертвой буквы, иго бюрократіи или казенщины. Ибо основаніе государства русскаго — крестьянство получило личную свободу и освободило господъ отъ растлѣвающаго дѣйствія крѣпостной власти: это во первыхъ, во вторыхъ дѣла его были устроены на началѣ чуждомъ всякаго формализма — началѣ почти семейномъ — заботиться о крестьянахъ и устроить ихъ поручено было особымъ лицамъ, поставленнымъ въ благопріятныя условія для самостоятельнаго и безкорыстнаго раднія о нуждахъ народныхъ — мировымъ посредникамъ. Начало сердечное, начало правды, дружбы было положено въ основаніе единенія земли, духовнаго общенія простонародья и интеллигенціи. Простое и великое рѣшеніе задачи! Правительство довѣрило развитіе этой задачи обществу, но общество оказалось менѣе проник-

нутымъ историческимъ чувствомъ, менѣе на высотѣ своего призванія. Живые, новые люди, хорошо поведшіе дѣло на первыхъ порахъ, были отстранены мѣрами, вызванными большинствомъ, — старымъ началомъ служившимъ обществомъ. Посыпались пагубныя для дѣла мѣропріятія. Либеральная печать была на ихъ сторонѣ; такъ что можно сказать, что подъ давленіемъ образованнаго русскаго общества первоначальное начертаніе судебъ крестьянства было искажено и рутинная, сжившаяся съ нимъ сухость отношеній, мертвящая казенщина остановила это живое дѣло. Теперь крестьянство чуть ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ было во время крѣпостной неволи.

Мы спрашиваемъ, найдется ли безпристрастный человѣкъ, который не сказалъ бы, что это правда? Какъ бы ни судили о Петровской реформѣ, господствовавшее до послѣдняго времени въ интеллигенціи русской, въ высшемъ чиновномъ мірѣ, въ окружавшихъ правительство сферахъ презрѣніе къ Россіи, которое и нынѣ далеко не исчезло, никто не назоветъ послѣдствіемъ реформы, котораго желалъ преобразователь. Неужели противъ устраненія этого явленія и однородныхъ съ нимъ можетъ поднять голосъ истинный русскій человѣкъ? Отвѣчая «Руси», «Молва» кричитъ въ передовой статьѣ: «нѣтъ, не остановить вамъ естественнаго историческаго теченія народно-государственной русской жизни»? Дѣйствительно, зачѣмъ останавливать естественное теченіе жизни, приведшее къ тому, что интеллигенція съ презрѣніемъ отвернулась отъ отечества и этимъ отвернулась отъ самой себя, теченіе, приведшее къ обѣдненію и истощенію силъ крестьянства, къ ряду гнуснѣйшихъ политическихъ убійствъ и тому подобнымъ благамъ — зачѣмъ останавливать такое благотворное теченіе? — Нѣтъ нужды, думаемъ, доказывать истинность сужденія «Руси» о положеніи 19 февраля. Остается утвержденіе ея, что съ 61 года это положеніе не развивалось, а искажалось и что насущною потребностью является теперь восстановленіе его въ первобытной чистотѣ. Въ первое время, какъ извѣстно, по обнародованіи манифеста о вольности, при дѣйствіи новыхъ мировыхъ учрежденій хорошо, было, зажило народу. Теперь же, по единоголосному заявленію всѣхъ либеральныхъ газетъ, мужикъ сильно бѣдствуетъ. Отъ чего? Ясно, что безъ призора онъ оставленъ. Отняты радѣльцы его; начала, легшія въ основу его освобожденія, изуродованы и вотъ почему организмъ народный страдаетъ.

Итакъ, «Русь» права въ своихъ утвержденіяхъ. Необходимо помочь народу, а этимъ и всей землѣ русской. Этого не отрицаютъ и противники «Руси». Чѣмъ же помочь? П. С. Аксаковъ выставляетъ ясную задачу: нужно возвратиться къ положенію 19 февраля и начать устройствомъ самоуправления въ уѣздѣ. Говоря простыми словами, нужно въ небольшихъ предѣлахъ уѣзда мѣстному обществу откликнуться на призывъ, который былъ обращенъ къ нему въ 1861 году и выработать планъ наиболѣе простаго и отвѣчающаго жизни земскаго устройства, чтобы земскія отношенія въ уѣздѣ снова приняли характеръ союза любви, характеръ семейный. Образцомъ для дальнѣйшаго развитія могутъ служить при этомъ уже указанныя выше мировыя учрежденія перваго времени послѣ вольности.

Мы полагаемъ, что это ясно выраженное желаніе помочь кормильцамъ земли русской — крестьянамъ всецѣло основано на началѣ правды и любви. Справедливо — придти на помощь къ главной земской силѣ, возстановить въ ея отношеніяхъ

исчезнувшую правду и тѣмъ придать жизнь и истинность всему земству. Соединить земство въ одинъ семейный духовный союзъ — вотъ высказанная въ «Руси» высокая цѣль. Она ясна и легко исполнима, лишь бы земское общество нашло откликъ въ своемъ сердцѣ на этотъ призывъ, нашло въ себѣ силы безкорыстно послужить общему дѣлу. Ибо чистое дѣло нужно дѣлать чистыми руками. Дѣлающій вносить въ дѣло живущій въ немъ самый духъ и гдѣ онъ возьметъ животворный духъ безкорыстія, если самъ не носитъ въ себѣ этого духа. Предлагаемый обществу проектъ требуетъ безкорыстія. Ясно, что и самъ онъ продиктованъ безкорыстною любовью къ русской землѣ, свободнымъ отъ личныхъ цѣлей желаніемъ ея блага и преуспѣянія.

Что же говорятъ противники «Руси»? Они говорятъ тоже, что и прежде говорили, что говорятъ уже не первый годъ; слова «Руси» нѣсколько нарушили ихъ спокойствіе. Громко раздавшійся голосъ русскаго человѣка поразилъ нашихъ иностранцевъ: они бросили нѣсколько запальчивыхъ фразъ, думая, что вполне защитили свои положенія и принялись за прежнее. Они кланчаты о правахъ, имъ будто бы имъ недостающихъ, не скажутъ слова безъ того, чтобы не намекнуть о необходимости для дальнѣйшаго развитія Россіи извѣстныхъ учрежденій. Одно это повтореніе изо дня въ день того же, это неотвязное приставаніе, лишенное всякаго достоинства, должно раскрыть глаза всякому на свойства подобной агитации. Здѣсь и тѣни нѣтъ того, что присуще противной сторонѣ — безкорыстія. Позволительно сказать, что тѣ, кто ратуетъ за права, требуетъ конституцію, яичную неприкосновенность, хлопочутъ не о Россіи и не о народѣ, а о себѣ. П. С. Аксаковъ — не крестьянинъ. Слѣдовательно онъ не имѣетъ личного интереса въ благѣ народа, крестьянства. Совѣмъ другое дѣло, если бы онъ требовалъ учрежденія парламента, ибо онъ былъ бы, конечно, однимъ изъ его членовъ. Но крестьянину, который знаетъ Царя-батюшку, неужно никакого парламента. Господамъ же, о которыхъ рѣчь, нуженъ парламентъ прежде всего, нужно удовлетвореніе ихъ прихотей и честолюбія и до того, что крестьянину отъ того ни тепло ни холодно, имъ мало дѣла. Фразы о народѣ, которыя у нихъ на языкѣ, только для приманки: какъ скоро объявленъ проектъ объ улучшеніи его быта, подобный настоящему, они въ сторону. Они не понимаютъ народа, не уважаютъ его, не сочувствуютъ его стремленіямъ и чужды его міросозерцанія. Эти господа толкуютъ о земствѣ, о расширеніи его правъ, не откликаясь въ то же время на мысль о преобразованіи земства изъ мертвого и бесполезнаго въ живое и дѣятельное, и стараются дать понять, что измѣненіе къ лучшему въ низшихъ слояхъ народа бесполезно безъ соотвѣстнаго измѣненія въ высшихъ т. е. опять безъ конституціи. Зерно, по ихъ словамъ, безъ свѣта, не вырастетъ. Но сравненіе еще не доказательство и мы отвѣтимъ, что нужно прежде всего заботиться о корнѣ дерева, чтобы оно получило здоровый ростъ, что, поливая корень, нѣтъ нужды лить воду на верхушку. Въ чемъ же это, по ихъ словамъ, отсутствіе свѣта? Въ произволѣ администраціи, недостаткѣ личной безопасности, въ отсутствіи свободы слова. Что касается до послѣдняго, то непонятно, какимъ новымъ словомъ могли бы они осчастливить отечество; что до вопроса о личной безопасности, любопытно сопоставить отношеніе къ этому людей дѣла, самихъ потерпѣвшихъ и людей фразы, разглаголющихъ о чужомъ несчастіи. Укажемъ на двухъ выдающихся дѣятелей — М. М. Достоевскаго и П. С. Аксакова.

Первый провелъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ, второй еще недавно былъ высланъ изъ Москвы. Ни одинъ изъ нихъ не жалеетъ, однако либеральныхъ западныхъ учрежденій: напротивъ оба отъ всего сердца совѣтуютъ Россіи идти своимъ путемъ. Они не жалуются. Но за то находятся чувствительныя души, не могущія забыть ихъ несчастія. Отвѣтомъ на призывъ издателя Руси было указаніе ему на то, что онъ самъ потерпѣлъ отъ административнаго взысканія и теперь вдругъ не поставяетъ своей первой задачей уничтоженіе административныхъ ссылокъ, а начинаетъ говорить о народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, непростиительно! Такое обращеніе къ издателю Руси сдѣлала «Страна». П. С. Аксаковъ нашелъ нужнымъ напечатать стихотвореніе, въ которомъ выражено его отношеніе къ этому происшествію. Вотъ оно:

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога,
Но я... Я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей.
Въ моей изгнанической долѣ
Какъ благодатны были мнѣ,
Радужный кровъ, пріютъ неволи,
Въ твоей привольной тишинѣ!
Когда въ пылу борьбы неравной
Трудовъ подъятыхъ и тревогъ,
Такъ рьяно съ ложью полноправной
Сразился я и изнемогъ,
И прямо съ браннаго похмѣлья
Меня къ тебѣ на новоселье
Судьба неожиданно привела,—
Какой отрадой и покоемъ,
Какимъ внезапнымъ звучнымъ строемъ.
Душа охвачена была.
Какъ я постигъ благу разность,
Какъ оцѣнилъ я сердцемъ вдругъ
Твою цѣлительную праздность
Твой отрезвляющій досугъ.

(29 ноября 1878).

Естественно, что на этотъ отвѣтъ «Страна» возразила, что онъ былъ бы убѣдительнѣе лишь въ томъ случаѣ, если бы подъ нимъ могли подписаться всѣ, сосланные административнымъ порядкомъ въ Пинегу, Мезень, Колу и въ Восточную Сибирь и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что ссылка лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть пріятна. Наказаніе вообще вещь тяжкая, но нельзя сказать, чтобы излишняя. Неужели будетъ справедливо, чтобы виновные, положимъ въ проведеніи разрушительныхъ ученій, оставались безнаказанными. При подобномъ порядкѣ въ опалѣ и подозрѣніи остались бы люди благонамѣренные, заграждены были бы честные уста и морокъ взялъ бы силу и водворилъ бы свой деспотическій режимъ. Наказывая виновныхъ, правительство ограждаетъ своихъ подданныхъ и охраняетъ ихъ благо и спокойствіе. Въ злоупотребленіяхъ же администраціи винить правительство недобросовѣстно. Органы администраціи — члены общества. Чѣмъ виновато правительство, что общество выставляетъ только поборниковъ гнѣта и неправды, довѣренность которымъ даетъ себя чувствовать обществу? Пусть общество по плодамъ своимъ оцѣнитъ себя самого и не торопится осуждать другихъ. И отчего могутъ страдать невинные? Отъ личныхъ неудовольствій органовъ администраціи и ихъ ошибки. Но первые случаи слишкомъ рѣдки и могли бы не случаться на землѣ лишь

тогда, когда люди освободились бы отъ зла. Всякая ограниченная власть склонна къ злоупотребленіямъ. Одна только власть безусловно можетъ быть безкорыстна, самоотверженна и справедлива—власть царская. Такого мнѣнія о власти царской были два лучшіе челоѣка земли русской: Пушкинъ и Гоголь. Что касается до ошибокъ, то главнѣйшая изъ нихъ была та, что наказывались тѣ, которые, хотя и были виновны, но заслуживали снисхожденія, а возбудители оставались въ покоѣ. Дѣйствительно, безпристрастные люди не будутъ спорить, что впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ безнаказанно дѣйствовало развращающая общество литература. Подрывалось уваженіе къ старшимъ, къ родителямъ, властямъ, религіи. Печальные плоды этого ученія рѣзко выказались въ молодыхъ, преимущественно, силахъ. Не мало молодыхъ людей, обнаружившихъ крайнія цѣли, привлекли вниманіе карательныхъ органовъ. А сѣятели дурныхъ сѣмянъ? заявили ли они, какъ подобало честнымъ людямъ, какъ скоро увидѣли, что государство осуждаетъ ихъ ученіе: «это мы научили ихъ: насъ берите!»—Ни мало. Они видѣли, что губятъ юношей и развращаютъ не столь пылкихъ людей возраста болѣе зрѣлаго, но продолжали свое гнусное дѣло. Мимоходомъ скажемъ, что мы не хотимъ обвинять либеральную печать нашего времени въ этихъ гнусностяхъ, но справедливость требуетъ сказать, что она обнаруживаетъ въ большей своей части гораздо большую неприязнь противъ людей, разоблачавшихъ и казнившихъ печатную измѣну вѣрѣ, долгу гражданина и самому здравому смыслу, чѣмъ противъ этой возмутительной профанаціи печатнаго слова, все еще продолжающаго у насъ быть закономъ. Если не приписывать этого отношенія прессы къ разрушителямъ ея сочувствію къ нимъ, то его чуждо отнести къ ея легкомыслію, къ отсутствію въ ней потребной серьезности и основательности.

Вообще, говоря объ административныхъ взмыканіяхъ, мы полагаемъ, страшно придавать имъ такую важность, какъ придаетъ «Страна». Ибо негодованіе на наказанія заслуженныя—нестоющее вниманія негодованіе. А незаслуженныя всегда будутъ единичными случаями. Попасть подъ административное наказаніе русскому челоѣку, ни въ чемъ не повинному, гораздо рѣже случится, полагаемъ мы, чѣмъ напр. попасть подъ ударъ грома или быть раздавленному на желѣзной дорогѣ. Никто и не думаетъ желать снабдить всѣхъ гражданъ земли русской громоотводами. Даже и на желѣзныя дороги, которыми увѣчатъ людей безъ причины, нападаютъ меньше, чѣмъ на администрацію. Это недобросовѣстно—вотъ что можно сказать! Недобросовѣстно выставлать какую то язву земли нашей злоупотребленія администраціи—мы не хвалимъ дурнаго, мы указываемъ лишь на ложное освѣщеніе дѣла—а тѣмъ болѣе выводите изъ этого необходимость конституціи. Во всякой конституціи злоупотребленія были и будутъ и по слухамъ, Гамбетта прибѣгаетъ именно къ этой, небезпристрастной вѣроятности съ его стороны, высылкѣ. Получить право своей личной неприкосновенности никто не откажется, но выставлать это необходимою и первою потребностью, первымъ условіемъ развитія страны, по меньшей мѣрѣ странно. Печально то общество, въ которомъ не найдется челоѣкъ, который безъ страха за себя сказалъ бы полезное отечеству слово. Мы не считаемъ такимъ нашего общества. Мы полагаемъ, что все, что могли бы сказать тѣ, кто представляется стѣпеннымъ, уже сказано у насъ: источникъ ихъ мудрости, западная наука—всѣ ея выводы давно у насъ разболтаны и

никакихъ драгоценныхъ мыслей наши настоящіе невольные, по ихъ словамъ, молчаливники, при самой широкой свободѣ слова и самой безусловной обеспеченности ихъ особъ не выскажутъ. Не говоримъ уже о томъ, насколько ложны всѣ эти домогательства правъ съ точки зрѣнія христіанской. Христіанское ученіе, также какъ и всякая здравая философія, прежде всего указываетъ челоѣку на обязанности. Исполняющему свои обязанности нечего заботиться о правахъ. Ему дадутъ ихъ, если признаютъ это нужнымъ. Гражданинъ русскаго государства долженъ быть христіанинъ и долженъ слушать не голосовъ современныхъ мудрецовъ, а вѣчнаго голоса, говорящаго: «ищите прежде всего царствія Божія и правды Его, и вся сія приложатся вамъ».

И въ дѣйствіяхъ власти не лишнее было бы видѣть иногда дѣйствующимъ не слѣпой случай. Иной повинно пострадавшій, по его мнѣнію, поспѣвъ въ памяти своей, можетъ быть нашелъ бы что либо, заслуживающее наказанія и тогда усмотрѣлъ бы въ постигшей его карѣ дѣйствіе перста Божія. Не помнящимъ Евангелія укажемъ на слова: «и волосъ съ головы вашей не пропадетъ».

Исканіе правды въ себѣ самомъ, а не во вѣншности—вотъ идеальная задача христіанина и гражданина. Какая гармонія водворилась бы въ государствѣ, если бы въ гражданахъ поселилось это благотворное сознаніе, что прежде чѣмъ осудить неправду внѣ себя, нужно осудить собственную неправду. Къ счастью не пропало величавое смиреніе русскаго челоѣка и въ наши дни. Яркій свѣточъ этого чувства поднѣялъ одинъ изъ лучшихъ дѣятелей нашихъ Ѳ. М. Достоевскій. Смиреніе и трудъ надъ собою, трудъ на пользу ближнему открыто провозгласилъ онъ недавно въ своемъ чтеніи, посвященномъ памяти Пушкина.

Г. Градовскій возразилъ ему, что общественное совершенство зависитъ не отъ работы только надъ собой, но и «отъ совершенства общественныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ челоѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія доблести». Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ Писателя» превосходно выяснилъ потомъ всю несостоятельность этого раздѣленія гражданина и христіанина. Онъ указалъ, что съ паденіемъ христіанскаго духа, единящаго гражданъ въ общественныя формы, неминуемо падаютъ и послѣднія, такъ что невѣрно утвержденіе г. Градовскаго, будто единеніе совершенныхъ христіанъ не образуетъ еще совершенныхъ общественныхъ союзовъ. Но другое дѣло—вліяніе общественныхъ, государственныхъ учрежденій. Ясно, что государственный формы имѣютъ дѣйствіе на членовъ государства, гражданъ. Для благоденствія государства, сказали мы, необходимо, чтобы граждане были хорошими христіанами. Потому государство должно заботиться, чтобы его дѣйствіе на гражданъ клонилось къ этой цѣли. Идея движетъ умами. Для государства, слѣдовательно, не можетъ быть безразлично, здравыя ли идеи будутъ распространяться и господствовать среди членовъ его или идеи вредныя и понятія превратныя. Государство, имѣющее въ виду благо гражданъ, должно поддерживать идеи нравственныя, зиждительныя и преслѣдовать пагубныя и разрушающія идеи. Если съ этой точки зрѣнія покровительства добру взглянуть на требуемую теперь свободу печати, нужно сказать слѣдующее: порочныя мысли и ученія, развиваясь свободно, всегда будутъ въ преимуществѣ передъ голосомъ совѣсти и здраваго смысла. Онѣ много соблазнительнѣй, много привлекательнѣй, онѣ будутъ терроризо-

вать и забрасывать грязью все съ ними несогласное: противных охранительныхъ мнѣній просто не будутъ читать, а тѣмъ менѣе принимать къ сердцу всѣ, кто будетъ внимать льстивымъ рѣчамъ зажателѣй. Конечно далеко не все общество, но все таки добрая половина его можетъ быть подобнымъ путемъ развращена. Если ужъ дать государство свободу мнѣніямъ, оно, въ виду указанной цѣли, будетъ въ необходимости учредить особое вѣдомство суда для преслѣдованія вреднаго слова. Тогда по суду, быть можетъ, извергнуты будутъ тѣ вредные элементы, которыхъ административная ссылка, не смотря на ея будто бы ярость, вовсе не коснулась! Но о воспитаніи гражданъ христіанскимъ государствомъ довольно. Быть можетъ мы еще возвратимся къ этому важному и на западѣ совѣмъ непримѣнному вопросу. Результаты пренебреженія къ этому сказываются тамъ все большимъ обяыченіемъ общества и все большимъ распространеніемъ социализма, печатные органы котораго лишь въ послѣднее время напр. были запрещены въ Германіи.

Возвращаясь къ административной ссылкѣ, скажемъ въ заключеніе, что мы долѣе остановились на этомъ, якобы, возраженіи протесту «Руси» не по важности его а потому, что его съ торжествомъ подхватила вся либеральная пресса, какъ будто это, дѣйствительно, возраженіе. Смѣшно! Русь, предлагаетъ способъ внести жизнь и правду въ нашъ общественный, народный организмъ, и ей указываютъ на одно изъ проявленій общественной неправды: «какже, а администрація наказываетъ нѣкоторыхъ несправедливо.» Желающему поработать надъ оздоровленіемъ условій жизни многомилліоннаго народа указываютъ на необходимость удовлетворенія вожделѣній и обезпеченія личной свободы дѣйствій для кучки людей, замѣчаемой на поверхности этого народа, людей имъ не уполномоченныхъ, ему чуждыхъ и тѣмъ не менѣе судьбы его рѣшать желающихъ. Это вещи, степень важности которыхъ такъ неодинакова, что не только уравненіе ихъ, сдѣланное «Страною», но и одно сравненіе ихъ вызываетъ смѣхъ.

Самъ Иванъ Сергѣевичъ въ послѣднемъ № «Руси» отвѣчаетъ на разбираемое возраженіе, что, хотя ему и не симпатична ссылка безъ суда, но съ одной стороны она приостановлена, съ другой не въ его власти ее отмѣнить, онъ же призываетъ къ тому дѣлу, которому она отнюдь не препятствуетъ, къ заботѣ надъ преобразованиемъ къ лучшему земскаго дѣла.

Итакъ съ одной стороны основанное на единеніи съ народомъ преобразование земства—съ другой права и конституціи, которыхъ народъ знать не знаетъ, и которыя очень интересны для либераловъ. Какая сторона имѣетъ за собою преимущество любви къ народу—нечего задумываться. И. Сергѣевичъ желаетъ, кромѣ того вдохнуть правду въ русскую жизнь. Посмотримъ, на сколько осуществляется правда въ конституціи. Конституціей называютъ государственное устройство, при которомъ главныя дѣла управленія рѣшаются только съ согласія выборныхъ отъ народа представителей. Собственно людей народа среди ихъ очень мало. Это все интеллигенція. Какая же интеллигенція? Отвѣтъ можетъ быть единственный: наиболѣе пронырливая: та, которая не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы достигнуть избранія. Самый главный принципъ восхваляемыхъ западныхъ конституцій, выборный, весь построенъ на обманѣ. Система подкуповъ практикуется въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Къ какимъ же высокимъ цѣ-

лямъ стремятся люди столь дурными средствами! Къ общественному благу? Едва ли многіе затрачиваютъ деньги и выбиваются изъ силъ ради столь безкорыстной цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что, за малыми исключеніями, все это дѣлается ради личныхъ выгодъ. Это ли осуществленіе правды? Правдѣ ли будутъ служить люди, не ее поставляющіе себѣ цѣлю? Нельзя ли ожидать отъ этихъ людей скорѣе преданія правды, предпочтенія ей своихъ матеріальныхъ интересовъ? Можно ли сборище подобныхъ людей съ самыми разнообразными интересами, единогласныхъ по большей части относительно того лишь, что имъ выгодно, выставлять идеаломъ управленія. Подобнаго рода учрежденіемъ страна сажаетъ себѣ на шею много правителей, далеко не безкорыстныхъ и постоянно мѣняющихся. Они распоряжаются народомъ, какъ имъ хочется, ни сколько его не спрашивая. Взглянемъ бѣгло, каково благо народа при подобномъ управленіи. Классическая страна парламентаризма—Англія. Стало быть это самая блаженная страна? воплощеніе справедливости? Дѣйствительность свидѣтельствуется о противномъ. Нигдѣ такъ не бѣдствуютъ низшіе классы, какъ въ Англіи, нигдѣ нѣтъ такой нищеты, нигдѣ такого несправедливаго предпочтенія одному сословію, именно управляющему, какъ въ Англіи. Быть можетъ лучше дѣло во Франціи? Но тамъ въ наше время представители народа заняты изгнаніемъ религіи изъ своей страны, изгнаніемъ Закона Божія изъ преподаванія въ школахъ и т. д. Разумѣется бѣдные поселяне и не подозреваютъ, какую услугу оказываютъ имъ парламентъ. Не мало можно бы еще говорить на эту тему. Благомыслящими людьми по этому поводу много у насъ сказано хорошаго. Но довольно и этого. Одно то, что основаніе всей этой системы ложь, подкупъ, отчужденность отъ народа, достаточно показываетъ ея цѣлю. Итакъ правды въ конституціи мало, а лжи намъ не пушно.

Мы думаемъ, что показали, какъ мало стоятъ на почвѣ любви и правды противники «Руси». А если они не стоятъ на этой почвѣ, то предоставляемъ судить читателю, насколько цѣнны ихъ мнѣнія. Несправедливо было бы не указать на органы печати, сочувственно отозвавшіеся на слова поваго журнала. Изъ петербургскихъ газетъ съ видимымъ удовольствіемъ встрѣтило его «Нов. Время» и «Петербургскія Вѣдомости», посвятившія ему прекрасный фельетонъ. Берегъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ. Затѣмъ считаемъ нужнымъ упомянуть о газетѣ, которая только что стала выходить и обнаруживаетъ честное направление. Говоримъ о «Минутѣ» г. Баталина (Осы). Она прямо и серьезно присоединилась къ русскому голосу, раздавшемуся со страницъ изданія И. С. Намъ пріятно было сообщить объ этихъ утѣшительныхъ исключеніяхъ.

Не можемъ удержаться, чтобы не привести въ заключеніе словъ полученнаго редакціей стихотворенія, «И. С. Аксакову», мысли котораго во многомъ сходны съ высказанными нами:

Среди не новаго бездушья
Во тмѣ продажности и зла
Твоя рука безъ малодушья
Опять свѣтильникъ свой зажгла.
И внемлютъ звучному набату,
Который къ дѣлу всѣхъ зоветъ.
Любовь въ груди къ меньшому брату
Любовь къ отечеству встаетъ.

Всѣхъ онъ зоветъ къ работѣ дружной

Не для корысти, для любви.

Иди больной, иди недужный

И правдой сердце оживи.

Родному послужи народу

И жи болѣзненный покровъ

Стражишь съ себя, найдешь свободу

Познаешь силу тѣхъ основъ,

На коихъ выросла Россія,

Какими дышетъ и живетъ

И увлеченя роковыя

Душа сурово отженеть,

Звучитъ твое, сверкая, слово

Витя славный нашихъ дней.

Оживъ, бодрѣ дынешь снова

И кровь волнуется быстрѣй.

Не умолкай же ты; надменно

Презри газетъ враждебный гамъ

И «Русь» рукою вдохновенной

Веди къ завѣтнымъ берегамъ.

Дѣйствительно, отрадное, освѣжающее впечатлѣніе производить «Русь». Мы желаемъ этому прекрасному изданію какъ можно дольше украшать собою нашу литературу.

22 декабря 1880.

К. П.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ, Сырцова (Православн. Собесѣдн. 1880 г.).

Въ одномъ изъ №№ «Москов. Церк. Вѣд.», съ цѣлью характеризовать новый журналъ «Русская Мысль», намъ довелось познакомиться читателей съ беллетристическою обрисовкою раскола и его главныхъ дѣятелей — Никона и Аввакума, даваемою на страницахъ этого журнала г. Мордовцевымъ. Пусть читатель сравнитъ теперь живопись г. Мордовцева съ фотографіей г. Сырцова въ ряду статей его: «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ». Мы же съ своей стороны считаемъ своею обязанностію познакомить читателя съ этими документальными статьями г. Сырцова послѣ того, какъ познакомили его съ полусторіей-полуфантазіей г. Мордовцева. Возмущеніе соловецкихъ монаховъ было столь продолжительно, затрогивало столь жизненные интересы русскаго народа и церкви, что его впечатлѣніе не изгладилось и до настоящаго времени. Оно рисуетъ намъ борьбу Никона съ Аввакумомъ и его партією, «когда, по словамъ автора, большая часть русскаго народа, сосредоточивъ все свое вниманіе на церковной реформѣ, начатой Никономъ, колебалась въ выборѣ путей спасенія, предлагаемыхъ съ одной стороны Никономъ, съ другой — Аввакумомъ съ товарищами.

Соловецкіе монахи, для которыхъ чистота вѣры и спасеніе души составляютъ цѣль жизни и дороже всего на свѣтѣ, стали на сторону Аввакума», — что и дало силу и авторитетъ раскольническому движенію. Соловецкіе монахи — выходцы быстро распространялись среди темной массы народа и брошенные этими бродячими старцами сѣмена, къ сожалѣнію, обрѣли удобовоспримчивую почву и нашли плодъ по роду своему. Скоро появились цѣлыя пустыни старообрядческія, каковая знаменитая пустынь Выговская, которая около 200 лѣтъ питала весь русскій расколъ, такъ что благодаря соловецкимъ проповѣдникамъ, край олонецкой и архангельской губерніи и до сего времени коснѣетъ въ невѣжествѣ раскола.

Начало брешенія среди соловецкихъ монаховъ обыкновенно относятъ ко времени полученія ими исправленнаго служебника — къ 1657 году; но, по изслѣдованіямъ автора, это не совсѣмъ точно: служебникъ былъ только поводомъ къ явному обнаруженію крившагося неудовольствія, вызваннаго рѣшеніемъ Московскаго духовнаго собора приступить къ немедленному исправленію богослужебныхъ книгъ, что было въ 1654 году. Ко времени же полученія соловецкою братією новаго служебника между нею ходили уже по рукавъ тетрадки о двуперстномъ сложеніи крестнаго знаменія, изложенныя соловецкимъ монахомъ Герасимомъ Фирсовымъ. Когда же послѣ годичнаго укрывательства присланнаго служебника онъ былъ предъявленъ всему братству на черномъ соборѣ, то всѣ въ одинъ голосъ закричали: намъ латинскія службы и еретическаго чину не принимать и причащаться отъ такой службы не хотимъ. Очевидно, эти темные люди, едва ли сколько нибудь понимающіе, что такое эта латинская ересь, уже раньше наслышались, что исправленіе богослужебныхъ книгъ, именно, съ тою цѣлю и совершается патриархомъ Никономъ съ окружающими его олатинившимися греками и «черкасами», чтобы ввести въ русское богослуженіе латинскую ересь. Какими же путями они наслышались объ этомъ?

Правдивая, но вмѣстѣ строгая и суровая личность Никона породила противъ себя много недовольныхъ людей, которые ждали только удобнаго случая къ возведенію и распространенію противъ него всякаго рода клеветъ, и предпринятая имъ церковная реформа была для нихъ лучшимъ къ тому средствомъ. Когда началось исправленіе богослужебныхъ книгъ, враги Никона не преминули провозгласить его латинщикомъ. Издавна нерасположенные къ Никону соловецкіе монахи ухватились за эту взведенную на Никона вину. Но что дало поводъ и развило въ нихъ это чувство нерасположенія къ Никону? Причины этого скрываются весьма далеко. Еще будучи простымъ монахомъ анзерской пустыни, находившейся въ зависимости отъ соловецкаго монастыря, Никонъ не нравился монахамъ послѣдняго просто какъ членъ такой пустыни, которая постоянно досаждала богатой обители своими просьбами подѣлиться съ нею отъ щедротъ своихъ и помогать ей въ ея нуждахъ. Когда же Никонъ сдѣлался въ Москвѣ архимандритомъ и другомъ царя, то соловецкіе монахи не могли не смотрѣть на него съ завистью и опасеніемъ какъ на личность, которая заслоняетъ собою отъ нихъ царя. Еще больше опасеній возбудилъ Никонъ въ соловецкой братіи, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, которому между прочимъ подчинена была и соловецкая обитель. И эти опасенія были не напрасны. Съ перваго же раза Никонъ подчинилъ своему строгому надзору все бѣлое и черное духовенство, потребо-

валь отъ него строгой нравственности, точнаго и усерднаго выполненія своихъ обязанностей и, особенно, благочинія церковнаго. Разумѣется, это коснулось и соловецкаго монастыря. Еще большимъ ударомъ для соловецкихъ монаховъ было данное въ 1651 году Никону безграничное право «вѣдать судомъ и управою во всякихъ церковныхъ дѣлахъ въ великомъ Новгородѣ... въ уѣздахъ всей новгородской десятины архимандритовъ, игуменовъ, братіи и поповъ...» Для соловецкихъ монаховъ, которые въ этихъ дѣлахъ не знали ничего, кромѣ царя, это было крайней обидой. А Никонъ между тѣмъ скоро энергически началъ примѣнять къ нимъ данное ему право, дѣлая имъ строгія замѣчанія, выговоры, предписанія, а иногда и налагая заслуженныя наказанія на провинившуюся въ чемъ-либо братію. Все это было поводомъ къ возникновенію среди монаховъ нелѣпаго подозрѣнія, что Никонъ—антихристъ. Соловецкій діаконъ Пимень, еще въ 1651 году, встрѣтившись въ Новгородѣ со старцемъ Корниліемъ, говоритъ ему: «Что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ митрополитъ—антихристъ!—Вѣспуешься, тако глаголеши!» отвѣчаетъ ему Корнилій. — «Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ?» Корнилій пошелъ и, удостоверившись, что Никонъ дѣйствительно благословляетъ по новому, пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита. А Пимень, возвратясь домой, не молчалъ о народившемся антихристѣ Никонѣ, находя и здѣсь простыхъ и суевѣрныхъ людей, подобныхъ Корнилію.

Новымъ толчкомъ къ подобнаго рода подозрѣніямъ было устроенное по почину Никона перенесеніе изъ соловецкаго монастыря въ Москву мощей св. Филиппа митрополита, которыхъ соловецкіе монахи считали своею собственностію, которыхъ составляли славу обители на всю Русь и привлекали безчисленныхъ поклонниковъ съ «лептами» добродѣтельныхъ дѣяній и монахи очень хорошо понимали, что эта затѣя была не царя, не патріарха, а Никона. Послѣ этого онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ недоброжелателемъ соловецкой обители. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ не переставалъ досаждалъ соловецкимъ монахамъ, касаясь ихъ жизни и интересовъ. Благословеніе Никона къ нелюбимымъ соловецкою братією аutzerскимъ пустынноикамъ продолжалось по прежнему. Онъ постоянно просилъ у царя для нихъ новыхъ милостей, а эти милости, какъ и прежде, дѣлались на счетъ соловецкой братіи,— что было крайне неприятно для нея, предпочитавшей матеріальные интересы всѣмъ прочимъ.

Такимъ образомъ почва для открытаго противодѣйствія нововведеніямъ Никона подготовлялась издавна среди соловецкихъ монаховъ; нужны были поэтому только вожаки, которые бы могли раздуть въ соловецкомъ братствѣ давнее нерасположеніе къ Никону и породить въ монахахъ недовѣріе къ его церковной реформѣ. Такими вожаками явились: архимандритъ Илья и князь Львовъ, постоянно пребывавшіе среди братіи, протопопъ Нероновъ, архимандритъ Никандръ и другіе, случайно бывшіе въ монастырѣ, прежде чѣмъ былъ полученъ новый служебникъ. Царь и патріархъ, не знавшіе, что дѣлается въ удаленномъ отъ міра соловецкомъ монастырѣ, не боялись и сами ссылать сюда раскольниковъ, такъ что къ описываемому времени соловецкій монастырь какъ нарочно пореполненъ былъ опальными людьми изъ разныхъ мѣстъ и сословій. Кромѣ того— соловецкій монастырь былъ постоянно мѣстомъ, куда стекалось безчисленное множество богомольцевъ, между которыми не мало было, конечно, посятителей, пропитанныхъ несочувствіемъ къ Никону и его

реформамъ. Эти и другія подобныя имъ обстоятельства произвели то, что въ монастырѣ началось сильное смущеніе, пошли всевозможныя толки о самомъ Никонѣ и его нововведеніяхъ. Въ числѣ соловецкой братіи нашлись уже люди, которые стали готовить письменныя опроверженія Никоновыхъ новшествъ. Таковъ Герасимъ Фирсовъ, написавшій слово въ защиту двухперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи. Когда выпущенъ былъ новый служебникъ до монаховъ стали доходить слухи, что во многихъ мѣстахъ онъ возбуждаетъ противъ себя сильныя сомнѣнія, что, напр., въ Ниловой пустыни монахи подрались изъ-за него съ попомъ и полиціей: значить, разсуждали они, есть въ новомъ служебникѣ что нибудь да неладное, неправославное. «Но не должно такъ оставаться» продолжали разсуждать монахи, «нужно кому нибудь рѣшиться на борьбу съ врагомъ Божиимъ и обидчикомъ православныхъ Никономъ, надо положить конецъ его еретическимъ вымысламъ». И монахи, говоритъ авторъ, рѣшились взять на себя этотъ подвигъ, разсчитывая на полное сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ приверженцевъ старины, какіе только обрѣтаются въ Россіи. И вотъ, когда въ августѣ 1657 года былъ присланъ въ соловецкій монастырь исправленный служебникъ, они не хотѣли и смотрѣть на него и снесли въ монастырскую кладовую. Впрочемъ этотъ первый шагъ открытаго протеста противъ Никоновыхъ новшествъ не былъ дѣломъ единогласнаго рѣшенія всей братіи. Тутъ дѣйствовалъ архимандритъ Илья съ своими приверженцами; прочая же братія и не знала, что присланъ новый служебникъ. Но такъ дѣйствовать Ильѣ долго было нельзя: братіи стало съ теченіемъ времени вѣдомо про служебникъ, и, разумѣется, явились недовольные подобнымъ укрывательствомъ. Кромѣ того, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ было крайне трудно убеждать, чтобы какъ нибудь о такомъ поступкѣ Ильи не было донесено новгородскому митрополиту или даже самому патріарху. Для огражденія себя отъ такой опасности Ильѣ, какъ человѣкъ не особенно щекотливый въ нравственномъ отношеніи, не былъ разборчивъ въ средствахъ. Сперва онъ клятвенно требовалъ во время отправленія самой литургии отъ сослужащихъ съ нимъ, чтобы они на него ни патріарху, ни царю ни въ чемъ не били челомъ. А потомъ Илья счелъ за лучшее «своротить» свою вину на братію—поповъ, будто и не его дѣло, будто онъ, архимандритъ, служебникъ монастырскимъ понамъ давалъ, а тѣ у него не приняли и служить не хотѣли, и съ этою цѣлію онъ съ своими совѣтниками тайно составилъ приговоръ отъ имени монастырскихъ поповъ о неприятіи въ употребленіе служебника и, позвавши ихъ къ себѣ въ келью, подъ великими угрозами и прещеніями принудилъ ихъ подписать измышленный имъ приговоръ. Но на этомъ Илья не остановился: онъ вздумалъ «своротить» свою вину уже не на однихъ только священниковъ, но и на всю братію, и въ этомъ смыслѣ составленъ былъ новый приговоръ, который, хотя съ горемъ пополамъ, 8-го іюня 1658 года былъ утвержденъ подписомъ всего братства. Самъ же архимандритъ Илья къ нему не подписался, будто и не его дѣло».

Послѣ этого Илья простеръ свою проповѣдь о старообрядчествѣ на все поморье «и по волостямъ и по усольямъ монастырскимъ заказывалъ, чтобы отнюдь служебниковъ новыхъ не принимать, а крестились бы по прежнему, а кто крестился тремя перстами, тѣхъ проклиналъ». Понятно, такой образъ дѣйствій Ильи не могъ не вызвать неудовольствія среди бра-

тѣмъ, и вотъ іеромонахи Виталій, Спиридонъ и Германъ отправили на архимандрита Илью въ Москву въ патриарху Никону съ какимъ-то «добрымъ человѣкомъ» челобитную, и продѣлки Ильи и его совѣтниковъ не обошлись бы даромъ, если бы неблагоприятствовали къ тому обстоятельства. Челобитная не застала Никона на патриаршемъ престолѣ, — 8-го іюля онъ удался отъ царскаго гнѣва въ Воскресенскій монастырь и церковныя дѣла приняли иное направленіе. Приверженцы старины торжествовали, самоувѣренно предполагая, что съ паденіемъ его падеть само собой и начатое имъ печатное дѣло. Само правительство духовное давало старообрядцамъ поводъ обольщать себя подобнаго рода надеждами. Оно теперь совсѣмъ не преслѣдовало порицателей Никона и новопечатныхъ книгъ, а между тѣмъ Москва была полна такихъ порицателей. Эта перемена отношеній правительства гражданскаго и духовнаго въ старообрядцамъ, происшедшая вслѣдъ за высылкою изъ Москвы Никона, спасла и соловецкихъ монаховъ, и архимандритъ Илья, столь не мало потрудившійся на пользу старообрядчества спокойно скончался въ 1659 году «въ старомъ благочестіи». Въ его лицѣ соловецкая обитель потеряла одного изъ самыхъ вліятельныхъ пропагандистовъ старообрядчества, распространявшаго свою дѣятельность не на одну только обитель, но и на все поморье. Преемникъ его, Варооломей, не былъ такимъ ревнителемъ «старога благочестія»; онъ всегда держался въ сторонѣ отъ строгихъ старообрядцевъ. Онъ составилъ себѣ особую партію умѣренныхъ, которые также, какъ и онъ, стояли, такъ сказать, на перепутьи, не зная, какой стороны держаться и готовы были склониться въ ту сторону, которую укажутъ обстоятельства, а можетъ быть и земные расчеты. Обстоятельства же эти сложились какъ разъ на сторону старообрядцевъ.

Удаленіе патриарха Никона изъ Москвы, непонятное для многихъ отношеніе къ нему царя Алексѣя Михайловича — бывшаго его сердечнаго друга и преслѣдованіе его со стороны враговъ были, какъ справедливо говоритъ авторъ, большимъ камнемъ соблазна для всѣхъ русскихъ и, въ частности, для соловецкихъ старообрядцевъ, такъ какъ въ этомъ старообрядцы видѣли правоту своихъ убѣжденій. Соборъ же 1660 года, присудившій Никона къ лишенію патриаршества и даже вообще священства, — соборъ, на которомъ присутствовалъ и соловецкій настоятель архимандритъ Варооломей, былъ верховъ соблазна.

Не менѣе сильнымъ соблазномъ для старообрядцевъ было и преслѣдованіе со стороны духовнаго правительства людей, которые хотѣли оставаться вѣрными Никону въ дѣлѣ отправленія богослуженія по исправленнымъ книгамъ, какъ это доказывается примѣромъ преосвященнаго Стефана, по жалобамъ суздальскаго протопопа Никиты (пустосвята), осужденнаго соборомъ къ лишенію сана за то, что «онъ служилъ литургію, какъ передано было ему отъ патриарха Никона». По отношенію же къ старообрядцамъ духовныя власти не издали ни одного постановленія, со времени удаленія Никона въ Воскресенскій монастырь, сколько нибудь ограничивающаго ихъ пропаганду. А между тѣмъ въ самой Москвѣ явились продолжатели дѣла Аввакума и Теодора, дѣйствовавшихъ и усною проповѣдью и распространеніемъ своихъ произведеній. Всѣ подобныя проповѣдники, разсѣянные по всѣмъ мѣстамъ обширной Россіи, въ одинъ голосъ кричали передъ простымъ, довѣрчивымъ народомъ, что Никонъ «оставилъ совершенно вѣру христіанскую, пріялъ же зловѣріе жидовское и ересь Аріеву,

Несторіеву, Македоніеву и др. и совершенно возлюбилъ ересь богоотступную римскую» (Челоб. Никиты и Лазаря).

Соловецкимъ монахамъ было не безызвѣстно, что творилось на святой Руси. Помимо своего настоятеля, присутствовавшего на соборѣ 1660 года, они получали свѣдѣнія о положеніи церковныхъ дѣлъ и о настроеніи русскихъ людей не въ пользу Никона отъ своей братіи — строителей Московскаго и другихъ подворій, отъ благодѣтелей и знакомыхъ чрезъ переписку съ ними, отъ постоянныхъ многочисленныхъ посѣтителей — богомольцевъ, такъ что картина церковной жизни этого времени стояла, такъ сказать передъ глазами соловецкихъ монаховъ. «Нѣтъ, говоритъ авторъ, нужды говорить о томъ, что соловецкіе монахи, по своей простотѣ и неразвитости мало чѣмъ отличавшіеся отъ деревенскихъ мужиковъ на все совершавшееся въ столицѣ и по Россіи смотрѣли глазами старообрядческихъ руководителей, невольно увлекались общимъ потокомъ религіозной народной жизни, — настраивались на одинъ ладъ со всѣми русскими людьми, усвоили общенародныя понятія и взгляды на Никоновы церковныя дѣла. Но монахи-старообрядцы имѣли то преимущество предъ другими старообрядцами, что жили на удаленныхъ отъ наблюденія начальства островахъ, были тѣсно сплочены между собою и потому чувствовали себя гораздо свободнѣе и устойчивѣе; у нихъ притомъ было и время и книги, необходимыя для обсужденія и рѣшенія старообрядческихъ вопросовъ. Въ этомъ заключается причина того, что соловецкіе монахи раньше многихъ другихъ, при менѣе благоприятныхъ условіяхъ, настроились по старообрядчески и осмѣлились не принять въ употребленіе служебникъ еще тогда, когда Никонъ былъ въ силѣ на патриаршемъ престолѣ. Теперь же имъ оставалось только окончательно убѣдиться въ правотѣ своихъ противленій Никоновымъ распоряженіямъ и гордиться предъ людьми своею предусмотрительностію».

Кромѣ сего благосклонное отношеніе къ старообрядцамъ царя и духовнаго правительства было для нихъ новымъ поводомъ къ разнаго рода обольщеніямъ, имѣло въ глазахъ ихъ доказательство правоты и подстрекало на новые подвиги въ защиту древняго благочестія. Въ 1664 году Варооломей ѣздилъ въ Москву, и ему ни со стороны царя, ни со стороны митрополита Питирима, завѣдывавшаго тогда церковными дѣлами не было сдѣлано ни малѣйшихъ упрековъ въ упорномъ отстаиваніи соловецкою братією старыхъ порядковъ, такъ что Варооломей, возвратившись домой, могъ извѣстить братію, что все обстоитъ благополучно, опасности подвергнуться наказанію за неповиновеніе Никону ни съ которой стороны не производится. Со стороны же царя были и особенныя причины благоволить соловецкимъ монахамъ. Занятый въ это время войной съ Польшей и нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, царь прислалъ на имя настоятеля съ братіей грамоту, въ которой онъ уже просилъ «пречестныхъ соловецкихъ отцовъ прислать къ нему, сколько будетъ возможно, монастырскія денежные казны на жалованье и прокормленіе разныхъ людей, обѣщая, что истинно-желательное радѣніе и денежные казны вселоможіе отъ него нынѣ и впредь забено не будетъ». И монахи послали ему 20,000 руб. и 200 золотыхъ. За какое пожертвованіе царь, кромѣ изъявленія величайшей благодарности, сдѣлалъ соловецкой обители разнаго рода льготы.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннія условія жизни и строя соловецкой обители много способствовали

возрастанію и украшенію въ ней старообрядческаго направленія. По словамъ автора, Соловецкій монастырь всегда былъ доступенъ для всѣхъ приходящихъ и желающихъ поселиться въ немъ подь предлогомъ исканія «постническаго житія». Тутъ не строго обращалось вниманіе на то, — дѣйствительно ли новый пришелецъ ищетъ иноческаго житія, не имѣя какихъ либо иныхъ побудительныхъ причинъ скрывать въ стѣнахъ монастыря подь монашеской рясой. По этому было легко попасть въ соловецкое братство всякому проходимцу, бѣглому холопу и даже уголовному преступнику, каковъ крѣпостной человекъ стольника Мещерянова Корниль Стефановъ и его товарищи 6 человекъ, скрывавшіеся въ монастырь отъ преслѣдованія за убійство помѣщичьяго прикащика. Всѣ эти пришельцы были, конечно, старообрядцы и жили съ соловецкими старообрядцами однимъ духомъ. Нерѣдко случалось, что даже тѣ изъ пришельцевъ, которые оставались еще въ званіи «слугъ и трудниковъ», независимо отъ братіи производили бунты, защищая старые порядки. Само правительство продолжало ссылать сюда на смиреніе людей за разныя вины и больше всего за приверженность къ старымъ порядкамъ, не подозревая, конечно, какой вредъ можетъ произойти отъ этихъ ссыльныхъ въ монастырь.

Въ этому же времени и соловецкіе начетчики и борзописцы взяли за перо, чтобы опровергать Никоновы новшества отъ Св. Писанія и Преданія и св. отцевъ, такъ какъ не всегда было удобно и достаточно предъ массою простой братіи, какъ бы не была она простодушна, отдѣлываться голословными фразами: «Никонъ еретикъ»; «его книги проповѣдуютъ латинскую ересь». Нужно было и правительству, и православнымъ людямъ и всей братіи доказать отъ Писанія, что въ Никоновыхъ церковныхъ перемѣнахъ дѣйствительно заключается многое неправославное, латинское, еретическое. И вотъ болѣе грамотные и начитанные старцы, отложивъ на этотъ разъ свою «косность» и «неперемчивость», углубились въ книжную мудрость и начали оттуда извлекать обличенія на самаго Никона и его нововведенія. Плодомъ трудовъ были сохранившіеся изъ нашихъ временъ соловецкіе рукописные сборники XVII в., заключающіе въ себѣ статьи почти по всѣмъ главнымъ религіозно-обрядовымъ вопросамъ, которые тогда волновали старообрядческіе умы. Были и отдѣльныя цѣнныя сочиненія, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ всѣхъ русскихъ старообрядцевъ. Таковы: «Посланіе къ брату» старца Герасима Фирсова и слово «о антихриствѣ» іеромонаха Феоктиста.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ.

Съ 1-го декабря 1880 года выходитъ въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новое ежедневное дешовое изданіе подь редакцію И. А. Баталіна (Осы) и подь названіемъ:

„МИНУТА“

(ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ).

Кто пять лѣтъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ публикою въ очень распространенномъ изданіи, откликаясь на всѣ вопросы и событія дня; кто пять лѣтъ доказывалъ стойкость своихъ убѣжденій, почерпаемыхъ изъ сердца и разума; — тому нѣтъ нужды рекомендовать. Смѣемъ думать, что имя Осы хорошо извѣстно читающей публикѣ, въ особенности столичной.

Нынѣ Оса, покинувъ чужой улей, устраиваетъ свое собственное гнѣздо, болѣе просторное; такъ какъ газета «Минута» будетъ выходить ежедневно, при самой обширной программѣ.

Съ вѣрою въ успѣхъ, съ жаждою неустаннаго труда, съ надеждою на сочувствіе къ намъ публики — выступаемъ мы на болѣе обширное поле дѣятельности! Общаемъ не льстить дурнымъ инстинктамъ, но и не заискивать у сильныхъ! Общаемъ послужить, сколько можемъ, нашей бѣдной родинѣ, которую любимъ и часто призываемъ мысленно словами великаго Гоголя: «Русь! Русь! Бѣдна природа въ тебѣ; но какая не постижимая тайна влечетъ къ тебѣ? Русь! Что пророчитъ твой необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родится безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Русь»!!..

Мы вѣримъ въ славное будущее Россіи, посреди постигающихъ ее бѣдствій, какъ вѣримъ въ свои собственные силы. Мы предвидимъ пути къ облегченію современнымъ нуждъ, но не тамъ, гдѣ тщетно ихъ ищутъ многіе. Смѣло пойдемъ на это дорогу! Кто прежде былъ съ нами, тотъ и теперь пойдетъ съ нами.

«Минута», вѣрная своему названію, постарается быть живымъ отраномъ современности. Свѣжесть, обиліе и разнообразіе фактовъ, бойкое изложеніе, новизна нѣкоторыхъ журнальныхъ приемовъ и разнообразный матеріалъ для чтенія — вотъ главные достоинства, которыми постарается украсить себя новая газета. Пятилѣтній опытъ редакторства убѣдилъ насъ, что жалобы на отсутствіе талантовъ, особенно молодыхъ, несправедливы. Начинанія убиваются рутинною, но мы ихъ поддержимъ; поощримъ всякое новое дарованіе. Пусть будетъ «Минута» пробой для свѣжихъ силъ.

Въ составъ газеты «Минута» воудтъ слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики (ясность, краткость и живость изложенія — главные при этомъ условія).
- 2) Правительственныя извѣстія.
- 3) Хроника (въ этотъ обширный отдѣлъ войдутъ отчеты объ интересныхъ событіяхъ, о засѣданіяхъ публичныхъ собраній, городскихъ думъ, о процессахъ въ камерахъ судей и всякаго рода свѣдѣнія, представляющія общій интересъ).
- 4) Провинціальныя извѣстія и корреспонденціи (будутъ допущено самое широкое обличеніе дѣйствительныхъ золъ и злоупотребленій).
- 5) Политическія извѣстія.
- 6) Биржа и экономическій.
- 7) Судебная хроника (процессы будутъ излагаться въ очеркахъ).
- 8) Научныя свѣдѣнія (смѣсь).
- 9) Критика и библиографія (отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ новыхъ книгахъ и новыхъ книжкахъ журналовъ).
- 10) Фельетонъ (въ каждомъ № будутъ два фельетона: одинъ «Ежедневная Бесѣда» Осы, а другой — романъ. На выборъ романовъ будетъ обращено особое вниманіе). Кромѣ этого введена будетъ юмористическая рубрика: «Звонокъ» (асамблея сценъ, куплетовъ, остроумныхъ задачъ и проч.).
- 11) Театръ и музыка (редакція имѣетъ возможность всѣ театральныя слухи сообщать изъ вѣрныхъ источниковъ).
- 12) Телеграммы (въ случаѣ выдающихся событій).
- 13) Справочный отдѣлъ.
- 14) Объявленія (по таксъ 8 к. за строку).

Газета «Минута» будетъ выходить ежедневно (кромѣ послѣ праздничныхъ дней (листомъ большаго формата).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.	Полгода.	3 мѣсяца.	1 мѣсяць.
Безъ доставки. 6 р. 50 к.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	75 к.
Съ доставкою. 8 » — »	4 » — »	2 » — »	90 »
Съ пересылкою. 9 » — »	5 » — »	2 » — »	90 »

Годовые подписчики на будущій 1881 г. получаютъ газету за декабрь этого года безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ газеты «Минута», въ Петербургѣ, на углу Большой Итальянской и Большой Садовой (противъ Пассажа), въ д. Крафта.

Иногородные адресуютъ посылки: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Минута».

Редакторъ-Издатель И. А. Баталінь (Оса).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

которая будетъ выходить въ Москвѣ, съ 1-го января 1881 года, безъ предварительной цензуры. Сознательная потребность слѣдить изо дня въ день за тѣми явленіями политической и общественной жизни, которыя, быстро смѣняясь, оставляютъ за собою болѣе или менѣе глубокой слѣдъ, все сильнѣе и настоятельнѣе ощущается въ нашей читающей публикѣ, и задача ежедневной газеты заключается прежде всего въ удовлетвореніи этой потребности. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, во всемъ ея объемѣ, необходима совершенно особая организація редакціоннаго дѣла, при которой редакция являлась бы однимъ изъ конечныхъ пунктовъ телеграфной проволоки. Такую именно организацію имѣетъ редакция **Московского Телеграфа**.

Газета **Московский Телеграфъ** будетъ имѣть существенное отличіе отъ всѣхъ прочихъ газетъ. Это будетъ первая въ Россіи телеграфная газета, половина содержанія которой будетъ непосредственно получаема редакціей по телеграфной проволокѣ. При этомъ условіи, каждый № **Московского Телеграфа** представитъ собою полный и точный обзоръ всѣхъ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступитъ въ печать. Такимъ образомъ, большая часть извѣстій дойдетъ до читателей **Московского Телеграфа** ранѣе, чѣмъ эти извѣстія появятся въ другихъ газетахъ.

Это одна сторона изданія. Что касается другой его стороны—направленія, выраженіемъ котораго служить критическая оцѣнка сообщаемыхъ фактовъ, то, избѣгая громкихъ словъ, редакция можетъ только обѣщать своимъ читателямъ, что **Московский Телеграфъ** будетъ честно служить истинѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ.

1. Руководящія статьи.
2. Официальный отдѣлъ. Дѣйствія правительства.
3. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ газеты и Международнаго Телеграфнаго Агенства.
4. Хроника Москвы: отчеты о засѣданіяхъ общественныхъ и сословныхъ учреждений и т. п.; дневникъ происшествій.
5. Внутреннія извѣстія.
6. Судебная хроника и юридическій отдѣлъ.
7. Библиографія и критическая оцѣнка всѣхъ наиболѣе выдающихся произведеній русской и заграничной печати.
8. Иностранныя извѣстія.
9. Фельетонъ. Статьи научнаго содержанія. Литературныя статьи. Общественная жизнь, театр, музыка и проч.
10. Мелкія извѣстія.
11. Объявленія, казенныя и частныя.

Редакция постарается добросовѣстно выполнить эту широкую программу. Высочайшія повелѣнія, грамоты, указы, правительственныя сообщенія, распоряженія всѣхъ министерствъ, а также приказы и распоряженія по военному вѣдомству будутъ печататься въ **Московскомъ Телеграфѣ** одновременно съ ихъ обнародованіемъ. Читатели, интересующіеся биржевыми свѣдѣніями, найдутъ въ **Московскомъ Телеграфѣ** подробныя и точныя торговыя телеграммы изъ Петербурга, Одессы, Риги, Берлина, Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Ливерпуля, Гамбурга, Амстердама, Антверпена и друг. городовъ. Въ отдѣлѣ справокъ, кромѣ обычныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщаемы судебныя указатели дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ кассационномъ департаментѣ сената и въ судебныхъ палатахъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ и фельетонѣ **Московского Телеграфа** принимаютъ участіе извѣстные писатели. Подписка на **Московский Телеграфъ** принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ домѣ Кредитнаго Общества.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ВЪ РОССІИ.

ЗА ГРАНИЦУ.

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.	Въ странѣ, вошедшей въ почтовый союзъ.	Въ странѣ, не вошедшей въ почт. союзъ.
На годъ съ 1 января 1881 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.	26 р. 20 к.	47 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	8 " 50 "	9 " 50 "	11 " — "	14 " — "	28 " — "
" 3 " "	5 " — "	5 " 50 "	7 " — "	8 " — "	15 " — "
" 2 " "	3 " 50 "	4 " — "	5 " — "	6 " — "	11 " 50 "
" 1 " "	1 " 75 "	2 " — "	2 " 50 "	3 " 50 "	6 " — "

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ и четвертямъ года и по мѣсячно чрезъ казначеевъ; для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
При подпискѣ	5 р. — к.	5 р. — к.	6 р. — к.
1 марта	3 " — "	3 " — "	3 " — "
1 мая	3 " — "	3 " — "	4 " — "
1 іюля	3 " 50 "	5 " — "	4 " — "

Иногородныя подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ редакцію газеты „**Московский Телеграфъ**“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **И. Родзевичъ**.

При семъ прилагается № 37-й Официальный отдѣла.

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.

Типографія Л. О. Снегирева.
На Остоженкѣ, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Цензоръ
Архимандритъ Амфилохій.